

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Р. Г. Буканова, Р. Р. Каримов

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОЕННО-СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
ГОРОДОВ-КРЕПОСТЕЙ ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ В XVI–XVII ВВ.**

Учебное пособие

Уфа 2020

УДК 351.86.08 (470)"15/16"
ББК 63.7(2)4я73-1
Б90

*Рекомендовано к опубликованию
редакционно-издательским советом Уфимского ЮИ МВД России*

Рецензенты: кандидат юридических наук, доцент А. А. Удальцов
(Санкт-Петербургский университет МВД России);
И. М. Гаскаров (Отдел полиции № 3 УМВД России
по г. Уфе)

Буканова, Р. Г.
Б90 Правовой статус военно-служилого населения городов-крепостей
юго-востока России в XVI–XVII вв. : учебное пособие / Р. Г. Букано-
ва, Р. Р. Каримов. – Уфа : Уфимский ЮИ МВД России, 2020. – 80 с. –
Текст : непосредственный.

ISBN 978-5-7247-1029-9

В учебном пособии рассматривается социальное и правовое положение
служилого населения городов-крепостей в XVI–XVII вв.

Издание призвано оказать помощь обучающимся образовательных ор-
ганизаций МВД России.

УДК 351.86.08 (470)"15/16"
ББК 63.7(2)4я73-1

ISBN 978-5-7247-1029-9

© Буканова Р. Г., 2020
© Каримов Р. Р., 2020
© Уфимский ЮИ МВД России, 2020

Содержание

Введение.....	4
Глава I. ГОРОДА-КРЕПОСТИ ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ В XVI–XVII ВВ.....	12
1.1. Строительство городов-крепостей на юго-востоке России в XVI веке.....	12
1.2. Закамские земли в первой половине XVII века.....	19
1.3. Военно-политическая обстановка на юго-востоке России в первой половине XVII века.....	28
1.4. Строительство городов-крепостей на юго-востоке России в XVII веке.....	35
Глава II. ВОЕННО-СЛУЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ-КРЕПОСТЕЙ ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ В XVI–XVII ВВ.....	40
2.1. Роль военно-служилого населения городов-крепостей в организации сторожевой и станичной службы.....	40
2.2. Характеристика основных групп военно-служилого населения городов-крепостей.....	44
2.3. Происхождение, служба и вооружение служилых людей «по прибору».....	52
2.4. Правовое положение военно-служилого населения Российского государства по Соборному Уложению 1649 года.....	63
2.5. Мелкие служилые люди юго-востока России.....	69
Заключение.....	75
Список использованных источников.....	76

Введение

История формирования военно-служилого населения России непосредственно связана с историей возникновения и развития полицейской службы на ранних этапах ее развития. До начала формирования отдельных органов охраны общественного порядка военная и полицейская функции не были отделены друг от друга: в XVI–XVII вв. служилое население наряду с военной службой несло гарнизонную службу в городах-крепостях, в том числе выполняя полицейские функции. Сохранение общественного порядка в городах, в том числе и с участием военизированных подразделений, и в наше время является важной задачей, стоящей перед правоохранительными органами. Этим обусловлена актуальность и необходимость исследования данной проблемы, которая имеет не только познавательное, но и научно-практическое значение.

Отдельно проблемы формирования населения городов-крепостей, их правовой статус, эволюция социально-экономического положения служилых людей российских городов, их участие в развитии системы управления и самоуправления, особенно в контексте современных методологических подходов, изучены в неполной степени. Среди исследований преобладают труды общего направления и очень мало работ, освещающих конкретные стороны процесса эволюции военно-корпоративной системы гарнизонов крепостей и роль мелких служилых людей в последующем становлении и развитии городской общины. В данной работе впервые поставлена задача: рассмотреть правовой статус военносслужилого населения городов-крепостей юго-востока России в XVI–XVII вв., что позволит решить отдельные проблемы, связанные с исследованием государственно-правовых методов решения общенациональных задач Российского государства по обеспечению её безопасности применением полученных знаний в научных и образовательных целях.

История военно-служилого населения городов-крепостей является частью военной истории России, которая, как было сказано выше, включала в себя и полицейские функции. Внутренняя структура вооруженных сил Российского государства сложилась еще в период Киевской Руси, когда в критических ситуациях в военных действиях по обороне государства наряду с дружиной, размещенной в городах, задействовалось практически все боеспособное население. Военная служба и в эпоху образования Московского государства продолжала считаться почетной обязанностью, прерогативой боярской, а впоследствии дворянской аристократии, которая должна была выступить в случае необходимости «конны, людны и оружны» на защиту Отечества. Военная служба, как правило, не была отделена от гражданской – в мирное время служилые люди занимали различные госу-

дарственные должности. По мере дальнейшего развития и укрепления государства, разветвления структуры государственной власти и управленческого аппарата увеличивается численность военно-служилого сословия, усложняется его состав. Однако «профессиональную» основу вооруженных сил Московского государства составляли так называемые служилые люди, которые подразделялись на две категории: служилых людей «по отечеству» и служилых людей «по прибору».

К первому разряду служилых людей «по отечеству», то есть по наследству, относились представители русской и инородческой аристократии, перешедшие на службу к Великому князю, дворяне и дети боярские. К первой группе относились служилые люди думные – бояре, окольные, думные дворяне и думные дьяки; служилые люди московские – стольники, стряпчие, дворяне московские, жильцы; служилые люди городовые – дворяне и дети боярские выборные, дворовые («по дворовому списку») и городовые (городовой осадной службы). В мирное время они несли придворную или государственную службу в приказных канцеляриях, а в военное время из них формировался командующий состав армии от полковых воевод до десятников и пятидесятников.

Служилыми людьми «по прибору» назывались «прибранные» из разных сословий люди, добровольно записавшиеся на службу или принудительно переведенные в категорию служилых людей. Они формируются с XVI века из свободных горожан, черносошных (государственных) крестьян и разорившихся служилых людей по отечеству: стрельцы, линейные (полковые) и городовые казаки, пушкарки, воротники, затинщики, ямщики, кузнецы и другие. С 30-х гг. XVII века – рядовые солдатских и драгунских полков. Служилые люди «по прибору», в основном стрельцы, составляли постоянную часть войска.

Следует отметить, что понятие «служилые люди» было широко распространено в XIV–XVII веках. С XVI века под этим термином подразумеваются лично свободные лица, с 15 до 60 лет обязанные нести военную или административную службу в пользу государства. Служилые люди «по прибору» были освобождены от большинства податей и повинностей, обладали некоторыми привилегиями в торгово-ремесленных занятиях и получали за службу жалование: денежное, земельное или хлебное. Юридическое значение термина было утрачено в начале XVIII века, но в бытовом смысле понятие «служилый человек» употреблялось еще долго (например, служилые дворяне в отличие от дворян столбовых). В XIX веке в русской литературе встречается термин «служивый», который иногда ошибочно применяется к обозначению служилого сословия XIV–XVIII вв.

Мемуарная литература конца XVII в. дает представление о сословной иерархии московских служилых людей указанного времени¹.

Как было отмечено, на верхней ступени служилых людей «по отечеству» находились члены Боярской думы, состоящие из бояр и думных дворян. Бояре были самыми родовитыми из членов Боярской думы, которые занимали самые высокие военные, административные и дипломатические посты. Их количество составляло от 13 до 63 человек. На заседаниях фактически участвовало меньшее число, так как они часто отъезжали из столицы, другие же не могли присутствовать в Думе по состоянию здоровья, старости и другим причинам. Внутри Думы бояре подразделялись по различным функциям. Царем назначался «конюший боярин», занимающий первую ступень старшинства. Как известно, Борис Годунов был «конюшенным», что и дало ему после смерти царя Ивана Грозного неограниченную власть при малоспособном наследнике Федоре Иоанновиче.

Далее шли «ближние», или «комнатные» бояре, которые составляли ближайший совет царя. В ежегодных послужных списках эти бояре перечислялись по знатности и влиятельности (по ряду). Происхождение являлось важной составляющей при получении боярского титула. Все без исключения землевладельцы обязаны были начинать свою службу с низших разрядов «московского списка», в частности, со стольников. Но имелась вероятность получить боярский чин по воле государя. Боярство могло быть пожаловано «за блестящие военные подвиги и заслуги», успешную дипломатическую службу. В разряд бояр могли попасть, как и царская родня, так и его фавориты².

В отличие от особо приближенных бояр, которые имели право находиться в присутствии государя в сидячем положении, была другая категория служилых людей «по отечеству», которые на совещательных мероприятиях Боярской думы стояли: окольничие. Они получали следующие после бояр военные и придворные чины в столичных приказах, несли службу в воеводствах и посольствах. Как правило, это были люди преклонного возраста, не претендующие на последующее продвижение по служебной лестнице. Их количество было от 4 до 55 человек. У окольничих также была своя внутренняя иерархия. Наиболее приближенным к царю лицом был оружейничий (оружничий), содержащий оружейную царскую казну³.

Думные дворяне составляли особый разряд служилых людей, не относящихся к высшей аристократии, но играющих значительную роль в

---

¹ Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М.: Современник, 1990. 448 с.

² Там же. С. 328.

³ Там же.

управлении государством. Они были представлены, к примеру, отличившимися военными, командующими войсками или гражданскими чинами приказной администрации. В иерархию придворных чинов они не входили, хотя в исключительных случаях думные дворяне и думные дьяки могли быть назначены на более высокие должности разряда окольничих. В начале и в конце XVII века количество думных дворян колебалось от 1 до 40 человек.

Особый разряд дьяков, обязанных присутствовать и принимать участие в каждом заседании Боярской думы, это думные дьяки. Они возглавляли подведомственные им приказы, исполняя также судебные функции. Думных дьяков было мало.

Отдельную категорию приближенных к государю людей составляли потомки аристократических семейств, которые служили царю за обеденным столом и в его спальне. Они жили во дворце и спали поочередно в государевой опочивальне, имели наименование «комнатные стольники» или «спальники». Чашник, или кравчий – стольник, заботившийся о питье государя. Царскую охоту организовывал ловчий, а за постель государя и его сон нес ответственность постельничий. Ясельничий заведовал царской конюшней и выездами. Государев же печатник отвечал за сохранность государевых печатей. Стряпчий с ключом во дворце занимал привилегированное положение дворцового экономиста, а казначей заведовал личным царским имуществом.

Служилые люди московских чинов – стряпчие, дворяне, жильцы и дьяки. Начальный ранг придворного чина для московских служилых людей – стольник. Стольниками могли стать также выходцы из незнатных семей Москвы, которые заслужили данную привилегию. Они разносили пищу и напитки на государевых приемах и пирах. Со временем роль стольников стала второстепенной. В начале XVIII в. по «Табелю о рангах» армии стольники получали чин полковников и ротмистров, при дипломатических миссиях – чин посла или его помощника, в приказе – должность судьи¹.

Стряпчие, в количестве примерно тысячи человек, первоначально были предназначены для эскорта государя или посылок. В конце XVII столетия они занимали различные ответственные посты, кроме послов или воевод. Чин стряпчего могли пожаловать за успешные действия на гражданской или военной службе или же в зависимости от родовитости человека.

Московские дворяне представляли собой элитную часть дворянства, которые, как и бояре, были занесены в Боярскую книгу. Они проходили

---

¹ Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М.: Современник, 1990. С. 330.

службу в Московском полку, где пополняли ряды тяжеловооруженной конницы. Данное военное подразделение после реформ 1681–1682 гг. пополнило ряды регулярной армии. Их назначали на разные должности командиров и давали возможность продвигаться по карьерной лестнице придворных должностей¹.

«Жильцы» из дворянского московского списка – их количество исчислялось примерно в количестве 2000 человек – были лица моложе среднего возраста, распределялись по подразделениям по несколько сотен человек и размещались на житье в государевом дворе, поэтому и назывались жильцами. Они составляли основную массу придворных служилых людей. Впоследствии некоторые из них могли быть назначены на командирские должности в полки рейтаров, драгун и солдат.

Приказным делопроизводством руководили дьяки. Они служили в центральных государственных учреждениях, в городских приказных избах. Они подчинялись судьям и воеводам, иногда деятельностью приказа руководила коллегия дьяков. Дьяки принимали участие в военных кампаниях и в крупных дипломатических миссиях. Имели доход с поместья и также получали денежный оклад от государства. Штат дьяков пополнялся за счет подьячих. Наиболее образованные купцы или дворяне, владеющие экономическими знаниями, могли быть напрямую назначены на должность дьяков².

Следующими в этой иерархии государственных служащих выступали служилые люди городских чинов – городовые дворяне и дети боярские. Городовые дворяне в конце XVII века совместно с детьми боярскими несли службу в рядах рейтар, драгун, в гусарских и солдатских подразделениях. Они продвигались по командной лестнице и могли дослужиться до московского дворянства. Дворяне, не имеющие поместий или имеющие небольшой надел, назывались детьми боярскими. В эту категорию могли попасть отличившиеся на службе «приборные» люди, которые впоследствии получали дворянский чин. Они занимали рядовые и командные должности в составе регулярной армии. За службу могли получить поместья, также могли сделать карьеру: становились боевыми холопами, подьячими, если были грамотными, то могли стать выборными членами городских учреждений или пополнить ряды монастырской дружины. К разряду служилых людей «по прибору» относились, как было отмечено выше, лица, добровольно записавшиеся на службу, или люди, принудительно переведенные из других сословий (как правило, из дворцовых крестьян).

---

¹ Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М.: Современник, 1990. С. 331.

² Там же. С. 330.

В московских приказах и в приказных избах городов при воеводах служили подьячие, которых также можно отнести к служилым людям «по прибору». Это наиболее привилегированная группа служилых людей. Подьячие, поднимаясь по служебной лестнице, становились дьяками. Подьячие, которые помогали составлять для людей иски и прошения, занимавшиеся также адвокатской деятельностью (ходатайством), назывались площадными подьячими. Они группировались и создавали корпорации. Например, самая известная корпорация подьячих – «Ивановская площадь», находилась в Москве. Существовали специальные учебные заведения, где обучали подьячих. Если же человек знал грамоту и имел способность к делопроизводственной деятельности, не находился в кабальной или крепостной зависимости, то он мог поступить в училище при приказе по определенному профилю: например, в Посольский приказ, Поместный, Разрядный и другие приказы. Московские подьячие имели больше возможностей для роста. В начале карьерной лестницы подьячий назывался младшим и занимался лишь переписыванием бумаг. Далее он переходил в разряд «среднего» подьячего, который уже составлял различные справки и вел документацию. Из «среднего» он мог перейти в разряд «старшего» или «справного» подьячего, который возглавлял делопроизводство вверенного ему «стола» и занимался редактурой документации¹.

В городах-крепостях на юго-восточной окраине страны в приказных избах также была учреждена должность подьячего. Так, в начале XVIII в. в приказной избе Уфимской крепости имелся целый штат подьячих, была открыта школа «для обучения дьячьих и подьяческих детей цыфрии и геометрии». Наиболее многочисленную часть служилых людей «по прибору» составляли так называемые мелкие служилые люди, которые несли военную или тыловую службу: стрельцы, казаки, солдаты, драгуны, пушкарри, воротники, затынщики, ямщики, кузнецы и другие. Правовое и социально-экономическое положение этих категорий служилых людей было жестко регламентировано, но имелись специфические черты, которые были обусловлены местом их дислокации. В частности, мы рассмотрим это на примере гарнизонов городов-крепостей юго-востока России.

В XVI–XVII вв. военно-служилое население окраинных городов-крепостей сыграло исключительную роль в процессе расширения государственной территории и укрепления пограничных рубежей России. В юго-восточной части страны, включавшей в себя Поволжье и Приуралье, оказавшихся в составе Российского государства после падения Казани, Астрахани и добровольного признания башкирами российского подданства,

---

¹ Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М.: Современник, 1990. С. 332.

служилые люди городов-крепостей составляли основную часть русского населения. Функции их были обширны: они участвовали в военных походах по отражению набегов неприятелей, постоянной гарнизонной службе, в хозяйственном освоении новых земель, формирующем единое политико-правовое пространство России.

Объектом данного исследования является история формирования и деятельности военно-служилого населения – гарнизонов городов-крепостей юго-восточной окраины Российского государства в XVI–XVII вв., предметом изучения – их правовой статус и социально-экономическое положение. Авторы в своей работе над обозначенной темой придерживались принципов историзма, объективности и научности, использовали как общенаучные методы, так и методы историко-правовых дисциплин: системный, сравнительно-исторический, формально-логический, сравнительно-правовой и др. В общеметодологическом плане наиболее приемлемыми для раскрытия поставленных вопросов являются многофакторный и комплексный подходы.

В данном учебном пособии рассматриваются разные категории военно-служилого населения городов-крепостей XVI–XVII вв., их происхождение и правовой статус, устанавливаются характерные для того времени виды служебной и хозяйственной деятельности. Как было отмечено выше, история формирования, правовой статус военно-служилого населения городов-крепостей юго-востока России в XVI–XVII вв. прежде специально не рассматривались. Поэтому авторы, кроме работ, посвященных узловым проблемам отечественной истории, опирались в основном на труды ученых Воронежа, Тамбова и других южнорусских городов¹, в которых данные вопросы изучены более основательно. Из исследований, имеющих отношение к Поволжскому и Южноуральскому региону, были использованы работы Р. Г. Букановой², материалы кандидатской диссертации Е. В. Пашиной «Военно-административное и социально-экономическое развитие города-крепости Тетюши в последней трети XVI – первой чет-

---

¹ Глазьев В. Н. Стрельцы новых русских городов «на Поле» конца XVI в. // Чтения памяти В. Б. Кобрин: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 42–43; Загорский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991; Мизис Ю. А. Тамбовская черта и заселение Тамбовского уезда в XVII веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1983. 24 с.

² Буканова Р. Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997. 256 с.; Она же. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. 264 с.; Она же. Закамская черта XVII века. Уфа: Издание Башкирского университета, 1999. 149 с.

верти XVIII вв.» (Казань, 2018)¹. При написании настоящего учебного пособия были использованы также материалы магистерской диссертации В. А. Гульяева «Формирование и социальный статус служилого населения г. Бирска XVII–XVIII вв.» (Уфа, 2018), выполненной под руководством Р. Г. Букановой².

Источниковой базой для раскрытия поставленных проблем явились как опубликованные³, так и неопубликованные законодательные и делопроизводственные документы XVI–XVII вв. Среди них непосредственное отношение к теме данного исследования имеют: «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» 1571 года, который привел в строгую систему уже имеющиеся элементы пограничной службы, а также Уложение 1648 года – кодекс феодального права России, в котором были систематизированы нормы права, касающиеся различных социальных слоев населения. Кроме того, были использованы документы из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Архива Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН (Архив Санкт-Петербургского филиала ИРИ РАН), Научного архива Уфимского научного центра РАН (Научный архив УНЦ РАН), Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

---

¹ Пашина Е. В. Военно-административное и социально-экономическое развитие города-крепости Тетюши в последней трети XVI – первой четверти XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2018.

² Гульяев В. А. Формирование и социальный статус служилого населения г. Бирска XVII–XVIII вв. Уфа, 2018. 75 с.; Он же. Дворцовое село Архангельское и строительство Бирской крепости в XVII в. // Девятые Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен: сборник статей Международной научно-практической конференции. Оренбург: Издательство ОГПУ, 2018. С. 140–142.

³ Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов XVI – начала XVII века. М., 1985. С. 75–442; Маньков А. Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. 2-е изд., испр. М.: ГПИБ, 2003. 369 с. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. (1649–1825 гг.). Т. IX–XI. СПб. 1830; Акты исторические и юридические и древняя царская грамоты Казанской и других соседственных губерний, собранные Степаном Мельниковым. Т. 1. Казань, 1859; Зерцалов А. Н. Материалы для истории Синбирска и его уезда (приходно-расходная книга Синбирской приказной избы). 1665–1667 гг. Симбирск, 1896.

ГЛАВА I. ГОРОДА-КРЕПОСТИ ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ В XVI–XVII ВВ.

1.1. Строительство городов-крепостей на юго-востоке России в XVI веке

Укрепление российской государственности в XV–XVI вв. происходило в острой борьбе с внешними врагами: на западе и северо-западе России угрожали – Ливонский орден и Швеция, на юге и юго-востоке Московское государство вело борьбу с Крымским ханством и Ногайской ордой, а на востоке Москва видела угрозу в лице Казанского ханства, которое занимало важное стратегическое положение, контролируя торговые пути по реке Волге и в Сибирь.

Особых успехов Россия добилась в восточном направлении, когда за короткий исторический отрезок она освоила огромные территории от Западной Сибири до Дальнего Востока. Заволжские и Закамские территории оказались в поле зрения Москвы после падения Казани и Астраханского ханства.

Присоединение к России Казанского (1552 г.) и Астраханского ханств (1556 г.), добровольное признание башкирами российского подданства (1557 г.), завоевание Сибирского ханства (158–1586 гг.) явились событиями, изменившими ход российской истории и имевшими геополитическое значение. Россия приобрела громадную территорию с многонациональным населением и разнообразным укладом в хозяйственной и культурной жизни, на освоение которой ушло несколько столетий. Если население Казанского ханства было подчинено сравнительно быстро, вследствие чего на территории Казанского ханства сразу же была установлена общероссийская система управления, то на территории Башкирии этот процесс занял почти два столетия. В XVI–XVIII вв. одним из методов государственного освоения новых земель стало строительство новых городов-крепостей и укрепленных линий. Значительная часть новых городов, крепостей и острогов была построена на территории расселения коренных народов Поволжья, Сибири и Урала. После основания г. Уфы Башкирия в административной отношении была включена в состав Уфимского уезда.

Таким образом, во второй половине XVI века в составе России оказались обширные территории к востоку от рек Волги и Камы. Башкирия являлась в рассматриваемое время юго-восточной, порубежной областью Российского государства. Ближайшим соседом и внешнеполитическим соперником России на юго-востоке оказалось государство Больших ногайцев – Большая Ногайская орда, тесно связанная с Крымским ханством.

В XVI–XVII вв. Башкирия являлась особо управляемой территорией. По условиям добровольного вхождения в состав Российского государства

башкиры сохранили за собой вотчинное право и широкую политическую независимость, но обязались платить ясак и нести военную службу как в виде участия в военных походах, так и в охране восточных и юго-восточных границ. В 1573 г., после окончательного установления протектората России над всеми башкирскими волостями, башкирские бии обратились к царю с челобитной о постройке на их земле русского города. Примерно по такому же сценарию разворачивались события и в других регионах Российского государства. Как показывают исследования о вхождении и других нерусских народов (казахов, кавказских народов) в состав России, одним из условий царского правительства было сооружение на их землях якобы по их просьбе укрепленной крепости как символа присутствия русского владычества на новой территории¹. Однако в 70-х годах XVI столетия возможности построить город в центре Башкирии не было. Этот период характеризуется осложнением внешнеполитических отношений с Крымским ханством и Ногайской ордой.

Действительно, 1571 и 1572 гг. явились решающими в противостоянии Москвы и объединенных сил ногаев и крымских татар. Инициатива, судя по всему, исходила от крымского хана, который решил опустошить Россию «единственно за Казань и Астрахань». Весной 1571 г. Давлет-Гирей сжег Москву, а Иван Грозный бежал в Ярославль². Примерно к этому же времени относится и активное выступление покоренного населения бывшего Казанского ханства против политики Москвы. Восстанием 1572–1574 гг. в основном было охвачено Среднее Поволжье. Среди участников упоминаются и башкиры, но действовали они в устье Камы³. Москва предприняла активные действия против повстанцев, выдвинув войска «на черемису и на остяков, и на вотяков, и на нагаи». В конце 1573 г. только в Муроме было сосредоточено 5 полков, готовых выступить для подавления восстания.

Одним из эффективных способов управления вновь присоединенными территориями было строительство городов-крепостей и укрепленных острогов. Первоначально города-крепости возводились на месте бывших поселений местного населения вдоль речных массивов и на пути транзитной торговли в процессе присоединения новой территории. В последующем – как ответная мера в периоды социального обострения, а также в случае возникновения внешней угрозы: в ходе реализации целенаправлен-

---

¹ Буканова Р. Г., Кидирниязов Д. С. Особенности возникновения городов-крепостей на Южном Урале и Северном Кавказе в XVI – первой половине XIX в. // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2016. № 4 (33). 2016. С. 46–53.

² Худяков М. Г. Очерки истории Казанского ханства. Казань: Магариф, 2004. С. 171.

³ История Удмуртии: Конец XVI – начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 18.

ной стратегии по укреплению государственных границ путем сооружения непрерывных оборонительных линий и заселению их постоянным контингентом военно-служилого населения. К числу последних, по справедливому мнению Е. В. Пашиной, относится и строительство Тетюшской крепости. Об этом свидетельствует то, что дата сооружения крепости Тетюши в 1571 г. хронологически совпадает с окончательным формированием государственной концепции по организации общероссийской сторожевой службы¹. Первые официальные сведения об организации общероссийской сторожевой и станичной службы относятся к 70–80-м годам XVI в. В самом начале января 1571 г. князю М. И. Воротынскому от имени Ивана Грозного было поручено «ведати станицы и сторожи и всякие свои государевы польские службы»².

В конце XVI в., по всему видно, организация сторожевой и станичной службы в общегосударственном масштабе предусматривала, прежде всего, защиту южнорусской окраины, наиболее уязвимой части территории России. Закамские и заволжские территории сторожевой и станичной службой еще не были охвачены.

Материковое положение Российского государства и тесное соседство с кочевническим миром с его неустойчивыми, подвижными границами были причинами того, что на южном и юго-восточном направлениях Россия нуждалась в наличии своего рода «буферной» территории либо в виде неосвоенного и незаселенного «Дикого поля», либо области, заселенной народами, добровольно принявшими российское подданство. Башкирия в XVI–XVII вв. выполняла именно такую функцию. Не случайно первая укрепленная линия в этих краях – Закамская черта, передовая линия обороны юго-восточных земель, прошла не по внешним границам Башкирии, а по ее северо-западной окраине³.

Наиболее опасными, с точки зрения российского правительства, были следующие пути возможного татарского нашествия: 1) западнее Оки, по которому крымские татары прошли в 1571 г.; 2) к р. Оке – прямо; 3) на Рязанскую землю с переправой через Оку, и затем по левому берегу Оки — к Коломне; 4) на Владимир через «мещерскую украину». Однако в 1572 г. Давлет-Гирей прошел напрямик Муравской дорогой и появился под Тулой. С ним были и «ногайские люди». В сражении при Молодях татарские вой-

---

¹ Пашина Е. В. Указ. соч. С. 59.

² Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. – Воронеж, 1991. – С. 152–154, 156–157.

³ См.: Буканова Р. Г. К вопросу о географическом местоположении Закамской черты XVII века // Проблемы исторической географии России. Вып. I: Формирование государственной территории России: материалы Второй Всесоюзной конференции по исторической географии России. М., 1982. С. 174–181.

ска были разгромлены. Кроме прочих мер, в бою с татарами были использованы «крепости», построенные в виде деревянных «гуляй-городов»¹.

Несмотря на неудачу, крымские татары в 1573 г. вновь возобновили набеги на российские окраины. В 1574 г., как пишет В. П. Загоровский, в Москве вновь опасались нападения крымских татар. К отражению врага готовился сам Иван Грозный. Но на этот раз татары до р. Оки не дошли. Основной удар на себя приняли южнорусские города-крепости. Таким образом, завоевание Казани и Астрахани резко обострило отношения с Крымом, заставив пересмотреть всю систему организации сторожевой и станичной службы на юге. В 1575 г. было принято решение о расстановке новых сторож на Поле, а в 1577 г. были расписаны те города, из которых дети боярские и казаки должны были стоять на четырех общероссийских сторожах. На случай нападения врага на р. Оке были сосредоточены крупные военные силы, включая ратных людей из южнорусских городов².

Нападения на российские земли продолжались и после смерти в 1577 г. крымского хана Давлет-Гирея. Но, по наблюдениям В. П. Загоровского, «российской активности в пределах Поля в последние годы царствования Ивана Грозного документы не отмечают. Разрядные книги этих лет сообщают о традиционной обороне центра от татар»³. Более того, количество общероссийских сторож сократилось с четырех до двух. В политике России «по отношению к Полю, к татарам, к Крымскому ханству продолжала сохраняться утвердившаяся после татарских нашествий 1571–1572 гг. оборонительная концепция»⁴. Российское государство, следовательно, не могло проявить активности и в Закамье и Приуралье и приступить к строительству там городов. Только в 1585 г., через год после завершения царствования Ивана Грозного, русское правительство вернулось к политике активных действий на южной окраине и за ее пределами.

Те же тенденции были отмечены и другими исследователями. Так, например, в «Истории государства Российского» М. Н. Карамзина об основании Уфы говорится в первой главе 10-го тома, посвященной истории царствования Федора Иоановича в 1584–1587 гг. Следовательно, появление Уфы Н. М. Карамзин относит к этому периоду. В книге Н. И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей», написанной в 70-х годах XIX в., отмечается активная роль в строительстве городов Бориса Годунова, который при Федоре Иоанновиче получил титул наместника царств Казанского и Астраханского. «В это время Годунов

---

¹ Загоровский В. П. Указ соч. С. 173.

² Там же. С. 177–182.

³ Там же. С. 185–187.

⁴ Там же. С. 178–189.

начал свое любимое дело – постройку городов, чем отличался во все продолжение жизни, справедливо сознавая пользу этой меры для государства», – писал Н. И. Костомаров¹.

В. П. Загоровский писал: «Последние полтора десятилетия XVI в., хронологически относящиеся к царствованию Федора Ивановича и к началу царствования Бориса Годунова, ознаменовались большими политическими и экономическими успехами России на юге. С 1585 г. до конца XVI в. на Поле возникло восемь новых городов: Ливны, Воронеж, Елец, Белгород, Оскол, Курск, Царев-Борисов, Валуйки»². Причем, по мнению указанного автора, строительство Ливен и Воронежа заранее не планировалось. Решение об их основании было принято Боярской думой в ходе разрешения текущих военно-политических задач. Так, Воронеж был основан в 1586 г. и предназначался для решения нескольких задач: отражения набегов крымских татар, закрепления придонской части Поля за Россией и усиления государственного воздействия на находившееся здесь население: на вольных, в первую очередь донских казаков³. Очевидно, возникновение новых городов-крепостей в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, в частности Самары, Уфы, Тюмени и других, построенных в 1586 г., происходило в аналогичных условиях. Это было обусловлено теми же государственными задачами, смысл которых заключался как в фиксации посредством возведения укрепленных крепостей государственной территории на ее основных направлениях, так и в создании постоянного оборонительного пояса из городов-крепостей.

Если расширить географические рамки нашего исследования и рассмотреть некоторые вопросы укрепления государственной власти в Сибири, начавшегося сразу после падения Сибирского ханства, то первые русские города-крепости в Западной Сибири также были построены в 1586 г. На руинах города Чимги-Тура была построена русская крепость Тюмень. С этого времени один за другим возникают другие сибирские города-крепости: в 1587 г. – Тобольск; в 1590 г. – Лозвинский острог; в 1593 г. – Березов, Пелым, Сургут; в 1594 г. – Тара; в 1595 г. – Обдорск и другие. Все они возникали на месте прежних сибирских городов аборигенного населения. Эта традиция сохранилась в Сибири и в XVII в. В частности, в 1639 году на месте городища Явла-Тура был основан Ялutorовский острог, переименованный в 1782 г. в окружной город Тобольской губернии⁴.

---

¹ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1993. С. 335.

² Загоровский В. П. Указ соч. С. 197–198, 202, 208.

³ Там же. С. 201, 202.

⁴ Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 71.

Со второй половины XVI в. до конца XVII в. в Закамье и Волжско-Уральском регионе по мере политического и экономического расширения влияния России было основано более 30 городов-крепостей.

Таблица 1

**Список городов-крепостей, построенных на юго-востоке России
в XVI–XVII вв.**

Год основания	Название крепостей	Местоположение
1557	Лаишев	на р. Каме
середина XVI в.	Тетюши	на р. Волге
1586	Самара	на р. Волге
1586	Уфа	на р. Белой
1589	Царицын	на р. Волге
1589–1590	Саратов	на р. Волге
1621–1625	Оса	на р. Каме, на месте Ново-Никольской слободы (1596)
1627–1634	Черный Яр	в низовьях р. Волги
40-е годы XVII в.	Яицкий (казачий городок)	при впадении в Яик р. Чаган
40-е годы XVII в.	Ахтачинск	на р. Каме
40-е годы XVII в.	Шешминск	при впадении в Каму р. Шешмы
1645	Мензелинск	на р. Мензеле, притоке р. Ика
1645	Гурьев	в низовьях р.Яик
1645	Симбирск	на р. Волге
1648	Катайский острог	на р. Исети
1646–1651	Красный Бор	на р. Исети
1649	Исетский	на р. Исети
1650	Колчеданский	на р. Исети
1650	Чалнинский городок	при впадении в Каму р.Чалны
1650	Билярск	в Закамье
1652–1651	Белый Яр	по Закамской черте
1652–1651	Ерыклинск	по Закамской черте
1652–1651	Тиинск	по Закамской черте
1652–1651	Новошешминск	по Закамской черте
1652–1651	Кичуевск (стоялый острог)	по Закамской черте
1652–1651	Заинск	по Закамской черте
1652–1651	Красный Яр	на р. Волге
1655	Красный Яр	на р. Белой, на месте дворц.села
1667	Бирский городок	Архангельского (сер. XVII в.)
	Солеваренный городок	на р. Белой, к югу от Уфы
1684		

Возникновение городов-крепостей и последовательное изменение их статуса олицетворяло собой определенные этапы государственной полити-

ки не только в области градостроительства, но и в утверждении административной власти в данном регионе. Применительно к XVI–XVII вв. можно выделить несколько этапов.

Первый, или начальный, этап мы относим ко второй половине XVI в.: закрепление русской администрации в Башкирии, завершившийся строительством города Уфы (1586 г.) и образованием Уфимского уезда и уездной администрации (90-е гг. XVI в.).

Второй этап включает первую половину XVII в. Освоение северо-западного Башкортостана: строительство Чалнинского городка (1643–1650 г.), Мензелинской крепости (1645 г.), строительство и заселение приборными служилыми людьми городов-крепостей Закамской черты (1652–1656 гг.).

Третий этап – вторая половина XVII в. Освоение локальных территорий в центральной части Башкирии, ознаменовавшееся появлением отдельных городов-крепостей – Бирского городка (1667 г.) и возведением в конце XVII в. Соловарного городка (1684 г.).

Опыт изучения других регионов России показывает, что строительство городов-крепостей на окраинах страны по мере расширения ее территории являлось государственной политикой России. Оно отвечало, прежде всего, военно-стратегическим задачам. Освоение так называемого Дикого поля на Юге, проникновение на Кавказ, завоевание Поволжья и Западной Сибири всегда сопровождалось построением городов, заселением их и окрестных мест русскими людьми. При этом согласия покоренного населения на строительство городов-крепостей не требовалось. Города-крепости рассматривались как одно из главных средств в умирении новых подданных и закреплении завоеванных земель¹.

В ходе освоения новых территорий само возникновение нового города зависело от воли монарха: в XVI–XVIII вв. многие русские города появились по прямому указу царя как военные крепости. Как отмечается в статье историка архитектуры А. Г. Мазаева, государство нередко выступало либо как заказчик новых городов, либо как заказчик новых заводов, вокруг которых начинали возникать новые города². Города превращаются в политический инструмент закрепления новых земель в составе Российского государства. Южные, восточные и юго-восточные окраины Московского государства заселялись при посредстве городов и городков. Причем там, где прежде не было славянского населения, сначала появлялся город. По-

---

¹ Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010. С. 55.

² Мазаев А. Г. Роль процесса градообразования в развитии национальной системы расселения Российской Федерации // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2017. № 4. С. 19.

степенно, по мере интенсивного заселения прилегающих к ним территорий, также осуществляемого под контролем государства, изменения хозяйственного уклада жизни всей страны, из военных крепостей они превратились в экономические центры огромных прилегающих территорий, сохранив при этом консервативные черты, родовые отметины бывших городов-крепостей, полностью зависимых от воли государя и центра. Так, в 1586 году одновременно были заложены города-крепости Воронеж, Самара, Уфа и Тюмень, которые стали своего рода обозначением пограничной территории Московского государства, символом утверждения царской власти. Несмотря на то, что они в основном были расположены на пересечении древних транспортных путей, главную роль в их последующем развитии сыграло преобладание военно-административных функций.

1.2. Закамские земли в первой половине XVII века

Интенсивное заселение левобережья р. Камы, так называемого Закамья, началось после присоединения Казанского ханства к русскому государству. Приток русских поселенцев в пределы бывшего ханства, в свою очередь, вызвал отток значительной части местных жителей в восточные и юго-восточные районы, прежде всего, в Закамье. Сюда направились татары, чуваша, марийцы и представители других народностей Поволжья. Почти параллельно этому движению шло переселение и русских людей.

Вообще для XVI века характерно движение русского населения на окраины России. Это отмечал академик М. Н. Тихомиров, видевший его причины в социальной и экономической жизни русского народа¹. Рост населения в центре страны после прекращения внутренних феодальных войн и одновременное усиление процесса закрепощения вызвали массовое бегство крестьян и холопов на окраины страны. Не имея возможности серьезно ограничить вольную народную колонизацию, правительство воспользовалось ее результатами, привлекая на службу вольных казаков. Значительную часть населения южных русских городов – Воронежа, Белгорода, Оскола и других – составили люди, набранные на месте².

Податное состояние местного нерусского населения было различным. Башкиры, сохранившие вотчинное право на занимаемые земли, платили государству ясак. В указанное время в бассейне р. Ика находились вотчинные владения башкир: князя Акбулата Сулейманова³ и его племянника Кошая Темгенева, а также земли жителей Байлярской волости Чер-

---

¹ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 418–419.

² Загорский В. П. Указ. соч. С. 22–23.

³ В документах: Иселеманов, Селеманов. Правильно – Сулейманов.

мышья Суюндюкова с «товарищами»¹. В 20–30-х годах XVII в. ясак, поставляемый в казну с этих богатых бортными лесами, рыбными ловлями и другими угодьями земель, достигал заметных размеров. Племянник князя платил со своих вотчин «кунный» ясак из 30 куниц в год, а жители Байлярской волости поставляли ежегодно по 114 куниц и по 21 батману меда². Царское правительство, заинтересованное в наиболее выгодной для себя эксплуатации промысловых «ухожьев», оберегало владения башкир от пришлого населения.

Татары, чуваша и марийцы, в разное время прибывшие в Закамье, селились на разных условиях. Часть из них платила бобыльский ясак в Уфе, а недавние выходцы из Казанского уезда продолжали доставлять в Казань денежный и хлебный оброк³. Определить размеры земельных владений как аборигенов, так и пришлого населения для первой половины XVII века не представляется возможным. Эта задача была непосильной и для современников. Русские крестьяне, лицом к лицу столкнувшись с «системой» землевладения в восточной части Закамья, сетовали на то, что «на Уфе, в съезжей избе, писцовых и мерщиковых книг нет и не бывало, а и во всем Уфинском уезде русские люди, и башкирцы, и чеваша, и черемиса, ясашные бобыли пашенными землями и санными покосы, и лесом владеют без меры...»⁴.

Относительно низкая плотность и разбросанность населения на огромных пространствах юго-востока России создавала возможность свободного расселения вновь прибывших людей, сведя до минимума всевозможные столкновения на хозяйственной почве. Документы доводят до нас любопытные сведения о характере землевладения нерусских народов Уфимского уезда: «Во всем Уфинском уезде чеваша и черемиса, Офинского уезду ясашные бобыли в Уфинском уезде по всем дорогам селятца и пашенными землями, и санными покосы, и всякими угоди владеют без отводу и без дач, и не бьют челом государю о пашенных землях и о санных покосах, и в которых кому урочищах поселитца, а селятца по своей воле, где хто похочет»⁵. Благодаря мирному характеру миграций в Закамье сложились добрососедские отношения между представителями различных народностей. Так, «подле Камы реки, ниже устья р. Ик Уфимского и Казанского уезду» башкиры, чуваша и марийцы имели совместные санные покосы. В непосредственной близости друг с другом располагались также

---

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 142. Л. 1; Д. 299. Л. 1–2, 5, 8; Д. 372. Л. 1–5; Д. 424. Л. 1–2.

² Батман – мера объема, вмещавшая примерно 8 пудов меда.

³ РГАДА. Ф. 1173. Д. 140. Л. 3.

⁴ РГАДА. Ф. 1173. Д. 426. Л. 3.

⁵ РГАДА. Ф. 1173. Д. 426. Л. 2.

их деревни: татарская деревня Ильбахтина, башкирские и чувашские поселения Калмаш, Батрак, Русаево и другие¹.

По своему сословно-правовому положению население Закамья не было однородным. Феодално-зависимое население было представлено ясачными и так называемыми подымовными людьми. Ясачные люди, помимо других повинностей, платили государству ясак, а подымовные люди вносили в казну определенный денежный и хлебный оброк. Господствующая верхушка нерусского населения составляла особую группу военно-служилого сословия Русского государства. В дореволюционной исторической литературе для обозначения данной группы служилого населения применялся термин «служилые инородцы».

В рассматриваемое время наметилась четкая дифференциация не только в общей массе нерусского населения, но и в среде класса феодалов. Патриархально-феодалные отношения постепенно вытеснялись сословно-феодалными порядками, сложившимися в Русском государстве, одновременно образуя сложное переплетение разнообразных форм общественных отношений. Бывшая местная аристократия и знать, продолжавшая сохранять господствующее положение, заняла соответствующее место на служебно-иерархической лестнице Русского государства. Наибольшими привилегиями пользовались те из них, которые приняли православную веру. Документы второй половины XVI и начала XVII в. называют их «новокрещенами» и выделяют их из среды некрещеных «князей», «мурз», «тарханов», а также «служилых татар». Термин «служилые татары» охватывал собой феодалную прослойку нерусского населения бывшего Казанского ханства, находящуюся на русской службе.

Новокрещены по своим юридическим признакам стояли гораздо ближе к русским служилым людям «по отечеству», нежели «по прибору».² Они были освобождены от уплаты ясака, им были предоставлены лучшие земельные угодья³. Из этой среды выделялась прослойка крупных вотчинников, имевшая значительные земельные угодья и крепостных крестьян.

---

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 424. Л. 2, 9.

² См.: Чернышов Е. Н. К вопросу о связи Волжско-Камского края с Российским рынком в XVII веке // Известия КФ АН СССР. Серия гуманитар. наук. Казань, Вып. 1. 1955. С. 37–51; Он же. Татарская деревня второй половины XVI и XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1963. С. 174–181; Степанов Р.Н. К вопросу о служилых и ясачных татарах // Сборник аспирантских работ. Право, история, филология. Казань, 1964. С. 58–64.

³ Григорьев А. Н. Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии // Материалы по истории Татарии. Вып. 1. Казань, 1948. С. 228.

Наряду с соплеменниками, новокрещены имели право привлекать на свои земли также русское крестьянское население¹.

В Закамье новокрещены были представлены потомственными князьями Асановыми. Вотчинные владения Василия Асанова, принявшего православие, очевидно сразу после присоединения Казанского ханства к России, находились «за Камою рекою на Нагайской стороне», в бассейнах рек Урени и Майны, притоков р. Волги. После смерти Василия Асанова «бортными ухажьями», «бобровыми гонами», «рыбными ловлями» князя стали владеть его сыновья Яков и Федор².

В писцовой книге Казанского уезда Ивана Болтина имеется интересная запись, рассказывающая о форме эксплуатации князьями Асановыми своих вотчинных земель. Бобровыми гонами и рыбными ловлями владел князь Яков. В документе говорится, что «рыбу ловят и бобровы гоняют на него его князь Яковлевы люди. А бортный ухажей и по записи 97-году отдает он на оброк Свияжского уезда з горные стороны чюваше Якушу да Курмашу Мулозяневым, да Бускейку да Мазет Девлебыхтееву»³. Данный документ говорит об экономических отношениях новокрещен с местным нерусским населением.

Службу новокрещены несли совместно с русскими служилыми людьми в крепостных гарнизонах, а в военное время – в войске. Так было не только в Казанском крае. Известный советский историк С. В. Бахрушин отмечал, что, к примеру, в Красноярске в течение XVII века список служилых людей постоянно пополнялся новокрещенами⁴. Новокрещены, имевшие почти одни и те же права, что русские служилые люди, постепенно вливались в состав русского дворянства.

Документы позволяют нам полнее представить другую группу туземной феодальной знати – некрещеных служилых людей, которые являлись главной опорой центральной государственной власти в управлении местным нерусским населением. Практически она включала все феодальное сословие края. В Закамье мы встречаем служилых чуваш, татар и башкир. В документах они назывались «служилый татарин» или просто – «чувашенин». Часть башкирских феодалов продолжала сохранять свои прежние звания: «князь», «тархан» и другие.

---

¹ Чернышов Е. П. Татарская деревня ... С. 177–179.

² История Татарии в материалах и документах. Казань, 1937. С. 168–69; Материалы исторические и юридические района бывшего приказа Казанского дворца. Т. IV. Симбирск, 1904. С. 218–219, 227–231.

³ Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов. С. 67.

⁴ Бахрушин С. В. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Научные труды. Т. IV. М., 1959. С. 64–65.

Нуждаясь в содействии феодальной верхушки коренного населения, московское правительство должно было сохранить за ней ее привилегированное положение. Бывшие князья, тарханы и мурзы, перейдя на положение служилых людей Русского государства, сохранили принадлежавшие им до прихода русских земельные владения. В некоторых случаях правительство само наделяло их землями и даже назначало определенное денежное и хлебное жалование¹.

Положение служилого нерусского населения Закамья было далеко не одинаковым. Это выражалось не только в размерах их земельных владений, но также в характере их службы. Любопытным в этом отношении является документ, сохранившийся в публикации С. Мельникова. Это – челобитная служилого «чувашенина» деревни Саралань Ногайской дороги Казанского уезда Ишмаша Меличева. Вотчина его находилась как раз в районе будущей Закамской черты, и ему пришлось принять самое активное участие в ее строительстве. Из челобитной видно, что Ишмаш Меличев в 1651–1652 гг. «был у того валового дела в вожах». Несмотря на это, он должен был выполнять строительные работы на новой черте, «отделявая до межи своей, до вотчины». Челобитчик жаловался на тяжесть двойной повинности, что его одновременно используют как в строительстве новой черты, так и «емлют ... с собою в степь... в вожи к проезжим станицам»². Данный документ рисует безрадостную картину положения основной массы служилых нерусских людей, подтверждая важное наблюдение С. В. Бахрушина, который о сибирских служилых татарах XVII в. писал: «Формально сохраняя свои феодальные права и преимущества, служилые юртовские татары постепенно опускались до положения ясачных татар с тем отличием, что вместо уплаты ясака они несли военную службу»³.

Вплоть до сооружения Закамской черты служилая феодальная верхушка нерусского населения являлась основной военной опорой правительства в крае. Обязанности местных феодалов были достаточно разнообразными. В качестве «вожей» они посылались в проезжие станицы, использовались для «обереганья государственных ясачных волостей», ходили «по сакме» за неприятелем, помогали в строительстве городов и укрепленных линий, а также участвовали в составе специальных корпусов в дальних походах. Правительство использовало их также для различного рода поручений, требовавших знания местных условий и связей с коренными жителями: в качестве переводчиков и целовальников. В общих чертах такая си-

---

¹ Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары XVII в. // Исторические записки. Т. 1. М., 1937. С. 71–72.

² Акты ..., собранные С. Мельниковым. Ч. 1. С. 44–45.

³ Бахрушин С. В. Указ. соч. С. 78.

стема военной организации существовала повсюду, где имелось местное туземное население¹. На южнорусской окраине была совершенно иная картина. Служилое сословие там формировалось главным образом за счет русского населения, переселившегося из центральных уездов России.

Русское население в Закамье и других районах Казанского ханства появилось задолго до присоединения его к России. Это были как русские ремесленники и торговые люди, жившие в пригородах торговых центров Волжской Болгарии, так и русские полоняники², посаженные местными феодалами на землю. Наличие последних не вызывает сомнения. Известно, что только в результате походов 1537–1538 гг. на русские земли казанскими татарами было уведено в плен более ста тысяч русских людей. Из этой среды впоследствии оформилась особая группа русского сельского населения – «ясачные крестьяне», приравнивавшиеся московским правительством к местному населению³.

Начало интенсивного заселения Закамья относится к первой половине XVII в., когда центральная часть бывшего Казанского ханства была окончательно закреплена в составе России. Усиление закрепощения и феодальной эксплуатации в Казанском крае вызвало перемещение части жителей в Закамье. При этом вначале осваивались относительно безопасные восточные районы, удобные также для дальнейшего продвижения в глубь Уфимского уезда. Движение русского населения на юго-восток шло параллельно движению представителей нерусских народностей Поволжья.

Единичные, стихийные перемещения как русских, так и нерусских людей, как правило, не отражались в официальных документах, если они не затрагивали чьих-либо интересов. О «вольных» переселенцах иногда приходится судить по случайно попавшим в источники фактам. Об одном таком «русском человеке», ялышевце Павле Батлаеве, мы узнаем из челобитной башкир Байлярской волости⁴. Свидетельством массового характера продвижения русских на юго-восток в рассматриваемое время является то, что мелкое служилое население г. Уфы возросло с 1625 г. по 1636 г. более чем на 100 человек (с 279 до 381 чел.). Рост численности уфимского гарнизона шел, главным образом, за счет прибора на службу «вольных» и «охочих» людей⁵.

---

¹ Бахрушин С. В. Сибирские служилые татары... С. 66–70; Усманов А. Н. Указ. соч. С. 139, 142–143; Ермолаев И. П. Указ. соч. С. 5–24.

² Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М., 1973. С. 23.

³ Бусыгин Е. П., Зорин Н. В. К вопросу о русских ясачных крестьянах бывшей Казанской губернии // Географический сборник КГУ. Вып. 1. Казань, 1966. С. 139–140.

⁴ РГАДА. Ф. 1173. Д. 299. Л. 1–3.

⁵ Никитин М. Основные моменты колонизации Башкирии // Хозяйство Башкирии. 1928. С. 75.

С середины двадцатых годов XVII века переселение русских крестьян в Закамье начинает приобретать элементы организованности. Оно происходит уже с ведома и прямого поощрения царской администрации. Это ярко прослеживается на примере дворцового села Чалны¹, основанного выходцами из дворцового села Елабуги в 1626 году. Основателем его явился слободчик² Федор Нифонтович Попов.

Впервые дату основания Набережных Челнов привел в своей работе Г. И. Перетяткович. Нам удалось обнаружить документ, проливающий дополнительный свет на этот вопрос: донесение воеводы П. Пожарского в Москву, в котором разбирается земельный спор чалнинских крестьян с ясачными чувашами и марийцами. Документ датируется 1645 годом. Он хранится в фонде Уфимской приказной избы РГАДА (дело № 140). Ссылки на документы более раннего происхождения, содержащиеся в нем, позволяют проследить историю возникновения, заселения и разрастания дворцового села Чалны. История возникновения и заселения Набережных Челнов в XVII веке представляет для нас большой интерес: значительную часть служилого населения крепостей Закамской черты составили чалнинские дворцовые крестьяне, переведенные в разряд конных казаков.

В 1626 г. группа крестьян дворцового с. Елабуги во главе с Ф. Поповым обратилась к казанскому воеводе С. Волынскому с челобитной. Крестьяне просили разрешения поселиться на противоположном берегу р. Камы в бассейне р. Чалны. Их просьба была удовлетворена. Крестьянам были отведены земли, лежавшие между камскими притоками Шилной и Бекленей. Вскоре на месте слияния рек Чалны и Мелекес появилось поселение русских дворцовых крестьян с названием – «Чалны». Правительство, заинтересованное в освоении малонаселенных окраин государства и расширении «государевой» пашни, предоставило новопоселенцам определенные льготы. Они на 5 лет были освобождены от всяких платежей. Однако даже по истечении льготных лет, вплоть до 1638 г., чалнинские крестьяне продолжали платить сравнительно небольшой оброк, равный двум рублям с выти.

Льготы, предоставляемые на новом месте, а также благоприятные природные условия для занятия хлебопашеством и другими промыслами, привлекли сюда массу населения. Чалнинский починок стремительно вырос и превратился вскоре в большое село с церковью. Вокруг Челнов появились и другие поселения: деревни и починки. По уфимским переписным книгам Михаила Артемьева 1643 года «в селе в Чалнах и в починках людей в живущем было 449 человек, а распашных земель по скаске вы-

---

¹ Ныне это крупный индустриальный центр Татарстана Набережные Челны.

² Слободчик – основатель нового поселения, слободы.

борных людей 656 четей с полуосьмины в поле, а в дву по тому ж»¹. В 1648 г. здесь находилось уже 8 сел и деревень и несколько починков, в которых насчитывалось всего 349 крестьянских и бобыльских дворов. Численность населения за 3 года увеличилась на 234 человека мужского пола².

Вслед за крестьянами в Закамье направились и монастыри. В 1638 г. приобрел земли по р. Заю Троицкий Елабужский монастырь³. В 1650 г. старцу Левонтию для строительства нового монастыря были отведены земли по р. Шилне, принадлежавшие прежде Ильбахтинским татарам⁴.

Нередко монастыри пытались обманом захватить уже занятые земли. О споре, возникшем между неким старцем Давидом и чалнинскими крестьянами, рассказывают челобитные враждующих сторон. В 1642 г. «нищие богомольцы» – так униженно называли себя монастырские служители – решили поселиться в Закамье, в верховьях р. Шилны. Они во главе со старцем Давидом развили бурную деятельность с целью заполучить эти земли и даже «ходили» в Москву просить «о пустынной нуже, о церковном строении». Московские дьяки удовлетворили их просьбу, но оказалось, что это третье поле чалнинских крестьян.

В течение нескольких лет продолжался спор, достигший в 1646 г. особой остроты, когда крестьяне «своим насильством» захватили пашню⁵. Неизвестно, чем закончилась борьба, но этот факт показывает, что к сороковым годам XVII в., с увеличением в крае плотности населения, свободных земель становилось все меньше. Именно к этому времени относятся и другие челобитные о земельных спорах и просьбах о пожаловании земель.

В ходе заселения данной территории тесно переплелись вольная крестьянская и правительственная колонизации, не исключая также, как показано выше, монастырскую. Говоря о роли правительства в заселении окраин, следует подчеркнуть, что оно на первых порах занимало лишь роль наблюдателя и арбитра в земельных спорах. Заселение закамских земель в рассматриваемое время не было самоцелью для московского правительства. Инициатива переселения на новые земли исходила, как правило, от самих крестьян, надеявшихся найти на новом месте более удобные условия для жизни. Первоначально, казалось бы, их надежды сбывались. Служилые люди, появившиеся в Закамье в сороковых годах XVII в., отмечали, что крестьяне – «люди вольные, не осадные, где похотят, тут и селятца и паш-

---

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 139. Л. 3–4.

² РГАДА. Ф. 1209. Кн. 6468. . 162–163.

³ Перетяткович Г. И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 118.

⁴ РГАДА. Ф. 1173. Д. 424. Л. 6–9; Ф. 1209. Кн. 156. Л. 153 об. – 154.

⁵ РГАДА. Ф. 1173. Д. 138. Л. 1–2.

ни пашют по своей воле без меры...»¹. Постепенно крестьяне попадали в сферу тех же феодальных отношений, которые в свое время побудили их бросить прежние места жительства. По истечении льготных лет они вновь оказывались под тяжелым налоговым гнетом.

В 1638 г. первые чалнинские поселенцы были переоброченены «против... верховых городов и дворцовых сел Санчюрских, и Царевококшанских, и Саранских крестьян». Теперь денежный оброк равнялся 4 рублям с выти. Кроме того, крестьяне были обложены хлебным оброком, равным 12 четвертям ржи и 12 четвертям овса².

Увеличение размеров крестьянского тягла при обнаружившейся тенденции к сокращению свободных земель не могло не отразиться на процессе заселения данной территории. Активизировалось движение населения на юго-восток, выразившееся в бегстве. Крестьяне жаловались, что «государев денежный оброк на чалнинский починок при иных государевых дворцовых селах положен вдвое и посопново хлеба... положено помногу на выть»³.

Другой причиной ухода местных жителей являлся сыск беглых крестьян, начавшийся в Закамье примерно с сороковых годов, и возвращение их прежним владельцам. Следует отметить, что, кроме тяглых крестьян и бобылей, в Чалнах в рассматриваемое время проживали захребетники, братья, дети и племянники, среди которых было немало беглых. О многочисленности их можно судить по тому, что сыск беглых вызывал сильное недовольство населения. Чалнинские крестьяне жаловались, что наряду с увеличением государственного тягла и повинностей «иных де крестьян ис Чалнинсково починка выдают и оттово де... многие крестьяне [разбежались] врознь»⁴. Бежавшие крестьяне чаще всего направлялись «на Уфу». В частности, в 1645 г. в Уфе был сыскан «прежний чалнинский слободчик» Федор Попов⁵. Увеличение размеров налогового обложения и начавшийся сыск беглых крестьян объективно отражали изменение правительственной политики в крае в сторону усиления крепостнического гнета.

Таким образом, юго-восточные территории, вошедшие в состав России после падения Казани и Астрахани, были издавна заселены не только многочисленными представителями нерусских народов, но и русским населением. Интенсивное заселение закамских земель русскими началось в первой половине XVII в. Движение русских крестьян шло параллельно движению представителей нерусского населения Поволжья и

---

¹ РГАДА. Ф. 1173. Д. 139. Л. 3.

² РГАДА. Ф. 1173. Д. 140. Л. 2.

³ РГАДА. Ф. 1173. Д. 356. Л. 2.

⁴ РГАДА. Ф. 1173. Д. 141. Л. 1.

⁵ РГАДА. Ф. 1173. Д. 140. Л. 3.

в тесном переплетении с монастырской и правительственной колонизациями. В рассматриваемое время в Закамье шло успешное распространение дворцового, монастырского и служилого землевладения. Заселение Закамья в целом носило сложный и противоречивый характер. Осваивались в основном относительно безопасные восточные районы, удобные также для продвижения вглубь Уфимского уезда. Западная часть Закамья, где проходили традиционные пути вторжения ногайцев, была заселена слабо.

Целенаправленное государственное освоение закамских земель, часть которых относилась к Казанскому уезду, а восточная часть – к Уфимскому уезду, началось в 30–40-х годах XVII века и было связано с необходимостью решения внешнеполитических задач.

1.3. Военно-политическая обстановка на юго-востоке России в первой половине XVII века

Ногайская орда была одной из самых сильных государств, образовавшихся после распада Золотой Орды. В сфере ее влияния оказалась территория, заключенная между Волгой и Иртышом, от северных побережий Аральского и Каспийского морей, где проходили международные торговые пути, до лесной полосы на севере¹. Ногайцы вели кочевой образ жизни, не знали земледелия и ремесла. Это, наряду с сохранившимися пережитками патриархальных отношений, определило и политическую структуру ногайского общества. Ногайская орда была слабо централизованным государством: она делилась на многочисленные улусы, подчиненные мурзам и слабо объединенные между собой. В связи с продвижением Русского государства на юго-восток и утверждением российского владычества на всей Волге, в Ногайской орде наступил политический кризис. Постоянные междуусобные войны, слабые экономические связи, политическая разобщенность различных частей орды обусловили распад ногайского общества. Орда распалась на Больших и Малых ногаев, Алтыульскую и ряд других орд². В результате, в конце XVI – начале XVII в. существовало несколько самостоятельных ногайских орд, разобщенных как территориально, так и политически.

Наибольшую опасность для России представляла собой орда Малых ногаев, кочевавшая в Приазовье от Кубани до р. Дона. Она, находясь в номинальном подданстве турецкому султану и поддерживая устойчивые от-

---

¹ Сафаргалиев М. Г. Ногайская орда во второй половине XVI в. С. 33–34; Он же. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 230.

² Поноженко Е. А. Общественно-политический строй Ногайской орды в XV – середине XVII вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1977. С. 22–24.

ношения с Крымским ханством, участвовала во всех походах крымских татар на российские земли¹. Отношения России с Крымом и его союзниками, в частности с Малой Ногайской ордой, всесторонне рассмотрены А. А. Новосельским в упомянутой работе. Тема нашего исследования требует рассмотрения взаимоотношений Москвы с теми ногаями, которые в интересующее нас время оставались еще на левобережье нижнего течения р. Волги.

В конце XVI – начале XVII в., находясь в Заволжье, Большие ногаи угрожали, прежде всего, Казанскому и Уфимскому уездам. Царское правительство вело непрерывную борьбу с ногайскими мурзами, совершавшими опустошительные набеги на порубежные территории. В ходе этой борьбы были сооружены города-крепости на реках Волге, Каме и Белой. О роли русских городов-крепостей в борьбе с кочевниками можно сказать словами К. Маркса: «Были построены крепости, чтобы держать татар под угрозой»². Уже в 1557 г. был построен г. Лаишев в том месте, где существовал старинный переход ногаев через р. Каму. На традиционном пути, на переправе через р. Волгу, возник г. Тетюши³. Вплоть до сооружения Симбирской черты Тетюши оставались единственным укрепленным острогом в этом районе. В конце XVI века были построены города-крепости Уфа, Самара, Царицын и Саратов. Строительство городов-крепостей на юго-востоке страны было вызвано, прежде всего, необходимостью борьбы с набегами ногайских мурз. Не случайно, узнав о сооружении Самары и Уфы, ногайский князь Урус потребовал, чтобы «городом на Уфе и на Самаре вперед не быти»⁴.

Московское правительство предпринимало и другие военные меры. Так, в 1586 г. из Казани на Каму было направлено два полка «по ногайским вестям».

Набеги ногайцев, как и крымских татар, в рассматриваемое время завоевательного характера уже не имели. Это отметил и К. Маркс, обративший внимание на историю русско-крымских отношений. Действия крымских татар и ногаев с XVI в., по его мнению, характеризовались тем, что «завоевывать они больше уже не могли, но производили опустошения»⁵. Главной внешнеполитической задачей московского правительства на юго-

---

¹ Сафаргалиев М. Г. Ногайская орда во второй половине XVI в. С. 15.

² Маркс К. Хронологические выписки // Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. Госполитиздат, 1946. С. 164.

³ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 504–505.

⁴ См.: Карамзин Н. И. История государства Российского. Т. 10. СПб., 1818. С. 15, Примечания к 10-му тому. С. 9; Перетяткович Г. И. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 313–314.

⁵ Архив Маркса и Энгельса. Т. VIII. С. 163.

востоке страны оставалось стремление к максимальному ограничению набегов своевольных степных феодалов на русские окраины.

Территория, по которой кочевали Большие ногайцы, затем – калмыки, непосредственно соприкасалась с территорией России, тогда как Крымское ханство было отделено от нее широкой полосой незаселенных и неосвоенных земель. Поэтому, ведя непрерывную борьбу с набегами калмыков и ногайцев, московское правительство одновременно добивалось подчинения их своей власти, установления прочного протектората над экономически и политически слабыми соседями. С другой стороны, юго-восточные районы государства были заселены нерусскими народностями, что позволяло правительству использовать их в качестве передовой силы в борьбе с калмыками. Вследствие этого масштабы сооружения городов-крепостей и заселения их военно-служилыми людьми здесь были не столь грандиозными, как на южной окраине России.

Российское правительство придавало большое значение мирному урегулированию отношений с кочевыми соседями. Уже в первые годы появления калмыков у восточных границ достаточно четко были определены основные направления политики по отношению к ним. «А будет колмацкие тайши и все улусные люди под нашею царскою рукою быти не похотят и ясаку с себя давати не учнут, и закладов не дадут, и прибыли от них нам некоторые не будет – писали из Москвы, из приказа Казанского дворца тарскому воеводе И. В. Мосальскому, – и вы б к ним приказывали, чтоб они на нашей Сибирской земле ... не кочевали и рыбными, и звериными ловлями не владели, и шли с нашия Сибирские земли прочь. А будет учнут они кочевати на нашей земле насильством, и на них вели послати изо всех сибирских городов рать свою с вогненным боем»¹. Из данного документа видно, что применение вооруженной силы предусматривалось лишь в случае насильственного захвата российских земель.

В двадцатых годах XVII в. внешнеполитическая ситуация в юго-восточном регионе резко меняется в связи с появлением у юго-восточных рубежей России многочисленных калмыцких племен торгоутов и дербетов, откочевавших из Джунгарии. Появление калмыков у границ Русского государства осложнило военно-политическую обстановку в этом регионе. С одной стороны, оживилась деятельность кучумовичей сыновей и внуков последнего сибирского хана Кучума. Заключив союз с калмыками, они стали нападать на российские окраины². В союз с калмыками вступила также Алтыульская орда. Алтыульские мурзы отныне принимали самое

---

¹ Русско-монгольские отношения... № 10. С. 39.

² Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 45–48.

активное участие в набегах калмыков на российские территории¹. С другой стороны, не выдержав натиска калмыков, значительная часть Больших ногаев покинула свои традиционные кочевья и перешла «на крымскую сторону» р. Волги. Здесь ногайцы оказались вовлеченными в сложный переплет отношений между Персией, Турцией, Крымом и Москвой, и превратились вскоре из «друга» России в его «недруга»².

С уходом большинства вассально-зависимых ногаев Россия потеряла и без того слабое влияние в прикаспийских степях. В Заволжье ей остались верными лишь едисанские и юртовские татары, кочевавшие под Астраханью. Оставшиеся ногаи и часть едисанских мурз были покорены калмыками. По свидетельству А. А. Новосельского, в 1646 г. вместе с калмыками кочевало в общей сложности 1700 ногайских, алтыульских и едисанских дворов³.

Следует отметить, что с калмыками соединились именно те мурзы, которые не желали признавать вассальные отношения с Москвой и стремились с помощью калмыков утвердить свое господство над улусными людьми. Отсутствие сильной централизованной власти, полная самостоятельность калмыцких тайшей в управлении своими улусами вполне отвечало интересам сепаратистски настроенных ногайских мурз.

Калмыки получили в лице ногайцев военное пополнение и прекрасных проводников для своих набегов на русские окраины. Доля участия ногайцев в совместных набегах с калмыками была, очевидно, значительной. Это давало основание калмыцким тайшам иногда сваливать всю вину за грабительские набеги на своих союзников. Так, например, в 1635 г. калмыцкий тайша Дайчин говорил русскому послу К. Артемьеву: «И те де нагайские и едисанские татаровя... наводят на всякое дурно и велят ему, Дайчину, с улусы кочевать меж Волги и Яика блиско Асторохани, и аманат в Астарахань давать не велят и везде бывают в вожах у калмык»⁴.

Ногайцы и едисанские татары, кочевавшие с калмыками, совершали иногда самостоятельные набеги. Так, в 1644 году набег на Каму совершили едисанские татары⁵. В 1654 году, незадолго до окончания сооружения Закамской черты, «воинские ногайские люди» прорвали укрепленную линию на участке между Тиинском и Новошешминском и разорили земли сына боярского С. Аристов⁶.

---

¹ Русско-монгольские отношения. № 76. С. 88.

² Кочекаев Б. Б. Ногайско-русские отношения в XV-XVIII вв. Алма-Ата, 1988. С. 31.

³ Новосельский А. А. Борьба Мскоковского государства с татарами в первой половине XVII века. М-Л., 1948. С. 359.

⁴ РГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. 1636 г. Д. 1. Л. 73.

⁵ РГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. 1654 г. Д. 1. Л. 15.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 33.

Калмыки значительно превосходили в военном и численном отношении Больших ногаев и поэтому представляли собой немалую угрозу юго-восточным окраинам государства. О достаточно высоком уровне военного дела у калмыков свидетельствуют документы. Они знали огнестрельное оружие¹. Разнообразным было защитное вооружение, к изготовлению которого привлекались все улусные люди². У калмыков была выработана определенная тактика ведения боя. По мере приближения к врагу они пускали в ход стрелы, затем копья, а когда дело доходило до рукопашной – сабли. Они умело использовали условия местности и погоду, широко использовалась разведка. Как правило, перед крупной боевой операцией для обследования местности и взятия языков посылались небольшой отряд. В качестве вожей использовались ногайцы, хорошо знающие местность.

В тридцатых годах XVII в. калмыки окончательно утвердились между реками Яик и Волга. Они заняли также ясачные земли башкир по Яику и его притокам, в верховьях рек Сакмары, Большой и Малой Узени³. Таким образом, прибытие калмыков в Заволжье затронуло политические, экономические и торговые интересы России. Ими были захвачены не только исконные территории находившихся под протекторатом России ногайцев, но и ясачные и промысловые угодья башкир, подданных Российского государства. Территория, занятая калмыками, имела для России важное стратегическое значение. Здесь проходили старинные торговые пути из Средней Азии в Россию. Морской путь шел от пристани Мангышлака к Астрахани, а сухопутные – один через р. Эмбу ногайской степью на Яик, выше Сарайчика, а затем на Самару или через Башкирию на Уфу и Казань⁴. Через прикаспийские степи направлялись также дипломатические посольства в среднеазиатские ханства.

В первой половине XVII века, в связи с потерей контроля над данной территорией, как дипломатические, так и торговые отношения России с восточными странами были нарушены. После 1622–1623 гг. обмен посольствами со Средней Азией полностью прекратился. Это совпало как раз с разгаром борьбы калмыков за обладание приволжскими и уральскими сте-

---

¹ Русско-монгольские отношения... № 18. С. 54.

² Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. Т. 5. М., 1939. С. 95.

³ Буканова Р. Г. Калмыцкий фактор в истории башкирского восстания 1662–1664 гг. // Центр и регионы. Этносоциальный аспект истории России нового времени: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2019. С. 15–22.

⁴ Чулошников А. Торговля Московского государства со Средней Азией в XVI–XVII вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. 1. Л., 1933. С. 67.

пиями. Дипломатические связи России со странами Средней Азии возобновились только в 1633 году через Астрахань¹.

В борьбе с ногайцами, а впоследствии с калмыками, правительство использовало те же методы и приемы, что на юге страны. Однако обстановка на юго-восточной окраине существенно отличалась от военно-политической обстановки на южных рубежах государства.

Активная борьба с калмыками и вступившими с ними в союз ногайскими мурзами началась в тридцатых годах XVII века, после того, как калмыки окончательно утвердились на Нижней Волге. К 30–40 годам относится организация первых военных походов. В 1633 г., когда калмыки впервые появились близ р. Камыш-Самара, из Астрахани был снаряжен стрелецкий отряд. Бой произошел на р. Большой Узени. Вспомогательный отряд, состоявший из ногайцев, юртовских и едисанских татар, не оказал никакой помощи русским ратным людям. Бой окончился поражением русских².

Вся тяжесть борьбы с набегами калмыков легла на пограничное население, а также гарнизоны Уфы, Астрахани и других понизовых городов-крепостей. Отдаленные друг от друга сотнями верст, юго-восточные города-крепости не всегда могли согласовывать свои действия. Фактически каждый город вел с кочевниками самостоятельную борьбу. Активную роль в обеспечении обороны юго-восточных рубежей играл главный военный форпост в этом регионе – Казань. Так, в наказе казанскому воеводе Г. И. Морозову – он был воеводой в Казани в 1649–1651 гг., – специально подчеркивалось «про крымских, и про нагайских, и про черкасю, и про калмыки, и про воровских казаков безвесным не быть». В случае необходимости казанский воевода должен был оказать военную помощь понизовым городам³.

В первой половине XVII в., в связи с угрозой со стороны калмыков, роль коренного населения в обороне юго-восточных рубежей, напротив, возросла. При посредничестве князей, биев, тарханов московское правительство вовлекло в борьбу с неприятелем все башкирское население. Причем социальная верхушка пограничного населения, обладавшая широкими иммунными правами, выступила организатором обороны пограничных земель. В обязанность местного населения входило «проведывание вестей» про неприятеля и предупреждение их набегов на государственную территорию.

---

¹ Чулошников А. Указ. соч. С. 75–76.

² Богоявленский С. К. Указ. соч. С. 68–69.

³ РГАДА. Госархив. Разряд XVI. Оп. 1. Д. 709. Л. 22–22 об.

В сороковых годах XVII в. предпринимается строительство ряда укрепленных линий в Заволжье и, прежде всего, в Закамье. В рассматриваемое время возникли, как было отмечено выше, укрепленные остроги в Закамье: Шешминск, Ахтачинск, Мензелинск, Чалнинский городок. Появившийся в 1640 г. в устье р. Яика Яицкий городок (впоследствии – Гурьев) главным образом должен был оказывать помощь в сдерживании набегов калмыков, угрожавших Астрахани и всему Нижнему Поволжью¹. Однако набег калмыков и их союзников, ногайских и едисанских мурз, на российские окраины не прекратились. Более того, как свидетельствуют источники, жители новопостроенных острогов сами страдали от набегов кочевников. В 1650 г. правительство потребовало от астраханских воевод особый список тех лиц, которых «калмыцкие тайши и их улусные люди в прошлых и нынешнем 158 году под Астраханью, и под Черным Яром, и под Царицыным, и под Саратовом, и под Самарою, и в Казанском уезде в закамских острожках, и в посылках, и на промыслах побили и грабили, и в полон поимали»². В приведенном нами документе закамские острожки упоминаются в числе других поволжских крепостей, часто подвергавшихся нападениям со стороны калмыков. Таким образом, строительство отдельных крепостей для борьбы с набегам кочевников в рассматриваемое время не оправдывало себя.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что сложившаяся система борьбы с набегам кочевников на юго-восточной окраине государства не была удовлетворительной. Московское правительство было занято борьбой со Швецией, Польшей и Крымским ханством и предпринять решительные меры для защиты юго-восточных рубежей не имело возможности. Отдельные города-крепости с немногочисленными гарнизонами были не в состоянии отражать крупные набег калмыцких и ногайских феодалов. Казань, превратившаяся в рассматриваемое время в тыловой город, из-за своей отдаленности не могла оказывать необходимую помощь выдвинувшимся далеко вперед русским крепостям. Лишь с начала 40-х годов XVII века борьба с калмыками и ногайцами приобретает более последовательный характер. В 1644 г. против калмыцких тайшей был направлен объединенный отряд русских ратных людей и башкир под командованием уфимского воеводы Льва Афанасьевича Плещеева. Бой состоялся 1 июля

---

¹ Дариенко В. Н. Город Гурьев. (Хронология исторических событий) // Ученые записки Казахск. гос. ун-та им. С. М.Кирова. Т. 53. Вып. 9. Алма-Ата, 1962. С. 247; Фосс В. Е. Очерки Гурьева городка // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям. Уфа, 1868. С. 89–90.

² РГАДА. Ф.127. Ногайские дела. 1650 г. Д. 1. Л. 2. Л. 151–152.

1644 г. Многочисленный отряд противника был разбит¹. Этот поход имел большое значение для дальнейших русско-калмыцких переговоров.

К середине XVII в. урегулирование взаимоотношений с калмыцкими тайшами становится назревшим вопросом. В условиях подготовки к новой войне с Польшей сохранение относительного спокойствия на южных и юго-восточных рубежах выступало как одно из составных частей российской внешней политики. Основной задачей внешней политики на юго-востоке было подчинение калмыков царской власти и использование их в борьбе против Крыма. Российское государство к тому времени имело значительный опыт борьбы с кочевниками. Наряду с дипломатическими приемами, оно использовало такие формы и методы борьбы, как строительство городов-крепостей на окраинах страны, организация сторожевой и станичной службы, военное наступление. Наиболее эффективным мероприятием в плане обороны от набегов кочевников и наступления на степь оказалось сооружение непрерывной системы укреплений.

1.4. Строительство городов-крепостей на юго-востоке России в XVII веке

В 30–50-х гг. XVII в. основное внимание московского правительства было сосредоточено на строительстве непрерывной цепи оборонительных линий: Белгородской черты (1635–1658 гг.), Тамбовского вала, Симбирской черты (1648–1654), Закамской черты (1652–1655 гг.), образовавшей собой своеобразный русский фронт, разделивший наиболее освоенные русским населением в земледельческом отношении южные и юго-восточные окраины Российского государства от иноязычного окружения. На укрепленных линиях появились десятки городов-крепостей.

Строительство укрепленных линий в России имело давние традиции. Оборонительные линии существовали еще в эпоху Киевской Руси. Широко применялись «засеки», которые устраивались в лесах и представляли собой заграждения из поваленных деревьев. Они сооружались обычно на скорую руку и носили временный характер. В XVI в. оборонительная линия превратилась в долговременную и периодически возобновляемую систему укреплений, которая, кроме собственно «засек», включала в себя и ряд инженерных сооружений. Такова была черта, построенная в середине

---

¹ См.: Устюгов Н. В. Указ. соч. С. 50; РГАДА. Ф. 210. Столбцы приказного стола. Ст. 158. Л. 397–398.

XVI в. к югу от р. Оки и названная впоследствии ее исследователем А. И. Яковлевым «Большой засечной чертой»¹.

Со второй четверти XVII века Большая засечная черта перестала играть сколько-нибудь существенную роль в борьбе Российского государства с кочевниками. Район русско-татарских столкновений переместился на сотни километров к югу. Здесь возникли новые укрепленные города-крепости: Орел, Кромы, Оскол, Воронеж, Белгород, Курск, Валуйки, Ливны. По мере расширения территории России в Заволжье и Приуралье новые города-крепости стали строиться и на юго-востоке страны.

К середине XVII века решающее значение в отражении набегов неприятелей приобрела Белгородская черта – выдающееся военно-инженерное сооружение XVII века, которая протянулась на 800 км от р. Ворсклы, притока р. Днепра, до р. Челновой, притока р. Цны. Белгородская черта строилась более двадцати лет (1635–1658 гг.) и состояла из 25 городов-крепостей и других укреплений. Это – по направлению с запада на восток – крепости Олешня, Вольный, Хотмыжск, Карпов, Болховец, Белгород, Нежеголец, Короча, Яблонов, Новый Оскол, Верхососенск, Усерд, Ольшанск, Острогжск, Коротояк, Борщев монастырь, Костенск, Воронеж, Орлов, Усмань, Белоколодск, Романов, Сокольск, Добрый, Козлов.

Система укреплений была продолжена далее в северо-восточном направлении. Непрерывная цепь оборонительных сооружений, построенная в 1636–1647 гг. от Козловского вала, восточного фланга Белгородской черты, до Шацких укреплений, известна под названием Тамбовская черта². Тамбовская черта соединялась системой укреплений, проходящей через Верхний и Нижний Ломовы с Симбирской чертой, построенной в 1648–1654 гг. Симбирская черта проходила через Инсар, Сурский острог, Карсун и доходила до р. Волги, где в 1648 г. была построена Симбирская крепость. Таким образом, Белгородская, Тамбовская и Симбирская укрепленные линии оказались составными частями единого общероссийского оборонительного комплекса, протянувшегося от западных рубежей государства до р. Волги. За рекой Волгой продолжением его явилась Закамская черта.

Практика сооружения укрепленных линий по мере освоения новых территорий применялась российским правительством и в последующем. Так, в восьмидесятых годах XVII в. были сооружены Сызранская черта в Поволжье и Изюмская – на территории Слободской Украины и Белгородского края. В течение XVIII–XIX вв. в европейской части России, в При-

---

¹ Яковлев А. И. Засечная черта Московского государства в XVII в.: Очерк из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.

² Мизис Ю. А. Тамбовская черта и заселение Тамбовского уезда в XVII веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1983. С. 11–13.

уралье, Сибири, Средней Азии и на Кавказе было сооружено более двух десятков укрепленных линий. Однако таких грандиозных масштабов, как в XVII веке, строительство укрепленных линий уже не достигало.

Создание системы укреплений XVII в., опоясавшей центральные уезды России с юга и юго-востока, было обусловлено целым рядом причин внешнеполитического, внутривосточного и социально-экономического порядка. XVII век был временем вступления России в «новый период» ее истории¹. Он характеризовался определенным подъемом производительных сил. Шел процесс слияния ранее обособленных областей в одно целое, складывания всероссийского рынка. Экономические сдвиги, наметившиеся в XVII в., нашли отражение во всех сферах общественной, политической и культурной жизни, в том числе и в разрешении давно назревших внешнеполитических задач.

Предпосылки для создания целой системы укрепленных линий возникли лишь с образованием централизованного государства. «Слагавшаяся издавна система обороны южных границ Русского государства характерна для централизованного государства, – писал А. А. Новосельский. – Само создание огромных оборонительных линий требовало мобилизации массы людей и крупных материальных средств, чего нельзя было осуществить при отсутствии сильной центральной власти»².

Логика перехода от строительства отдельных крепостей к строительству укрепленных линий хорошо иллюстрируется на примере освоения территории Уфимского уезда, образованного на территории Башкирии после основания Уфимской крепости. Так, к востоку от реки Волга в середине 40-х годов XVII в. на левобережье р. Камы в Уфимском уезде сначала были построены отдельно стоявшие крепости: Шешминск, Чалнинский городок и Мензелинск. В ходе строительства Закамской черты южнее указанных крепостей в восточном направлении от Волги были построены крепости Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Новошешминск, стоялый острог Кичуев, Заинск, а также частично была перестроена и включена в Закамскую черту Мензелинская крепость.

Закамская черта XVII века – это русская укрепленная линия в Заволжье, построенная в 1652–1655 гг. для защиты освоенных районов Российского государства от набегов калмыков и ногайцев. Она протянулась от левого берега р. Волги до р. Ика, левого притока р. Камы. В первой половине XVII в. восточная часть данной территории входила в состав Уфимского уезда, западная часть – в состав Казанского уезда.

---

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 153–154.

² Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 478.

Закамская черта представляла собой непрерывную систему укреплений. Она включала в себя крепости: Белый Яр, Ерыклинск, Тиинск, Новопешминск, Заинск и Мензелинск, а также различные сооружения из земли и дерева. Общая протяженность Закамской черты равнялась 450 км. Явившись продолжением Белгородской и Симбирской укрепленных линий, Закамская черта воплотила в себе лучшие традиции военно-инженерного искусства.

Сооружение Закамской черты было закономерным явлением, обусловленным всем ходом развития российских земель в XVII веке, а также стремлением московского правительства к дальнейшему расширению сферы влияния на юго-востоке, укреплением экономического и военно-политического могущества Российского государства. Строительство Закамской черты не только положило начало новому этапу заселения и освоения заволжских земель, но и привело к изменению общей политики московского правительства на юго-восточных окраинах. По своим социально-экономическим и политическим последствиям Закамская черта может быть поставлена в один ряд с такими крупными мероприятиями Российского государства, как создание «Большой засечной черты» в XVI веке, строительство Белгородской, Симбирской, Изюмской и других укрепленных линий. Воссоздание истории Закамской черты необходимо и важно для выяснения целого ряда вопросов отечественной истории XVII столетия.

Местонахождение Закамской черты, то, что она проходила не по внешней границе, часто вводит исследователей в заблуждение, что приводит к умалению ее внешнеполитического значения. Исследование военно-политической обстановки на юго-восточных рубежах Российского государства в первой половине XVII века показывает, что юго-восточные границы в указанное время проходили значительно южнее территории будущей черты. Тем не менее строительство Закамской черты было вызвано причинами внешнеполитического характера. Черта была призвана защитить, прежде всего, внутренние уезды страны от внешних врагов. Строительство Закамской черты имело оборонительный характер. В ряде документов говорится, что черта была построена «для береженья от приходу воинских людей»¹. «Воинскими людьми» в XVII в. назывались неприятели России, с которыми ей приходилось вести постоянную борьбу. В данном случае под «воинскими людьми» подразумеваются калмыки и ногайцы. В 1970 г. жители Ерыклинска, бывшего острога на Закамской черте, вспоминали, что они были переведены «в пригородок Ерыклинск служить сол-

---

¹ РГАДА. Госархив. Разряд XVI. Д. 709. Л. 85 об.-157; Ф. 1209. Кн. 156. Л. 12; Ф. 1209. Кн. 159. Л. 199.

дацкую службу для обережи от татарского и калмыцкого приходу»¹. Однако Закамская черта имела не только оборонительное значение. Возведя сначала заслон на пути ногайцев и калмыков и укрепив влияние московского правительства в юго-восточном регионе, впоследствии можно было перейти от обороны к наступлению – до полного подчинения кочевых феодалов Русскому государству. Сооружение Закамской черты и заселение ее мелкими служилыми людьми означало выдвижение фронта борьбы с калмыками и ногайцами на сотни верст к югу. Это, наряду с возведением Белгородской и Симбирской линий, явилось, по существу, новым этапом взаимоотношений Русского государства с кочевыми соседями.

Таким образом, Закамская черта явилась как бы «внутренней границей», отделившей уже освоенную часть территории от неосвоенной. Оборона находившихся за чертой башкирских земель была возложена, как было сказано выше, на самих башкир, одной из основных обязанностей которых являлась военная служба в пользу Российского государства.

Во второй половине XVII в. вновь применяется тактика точечной застройки крепостей. Южнее Закамской черты еще не было русских городов, имелись лишь дворцовые села – возникновение сел, обслуживающих царский дворец, не вызывало сопротивления со стороны добровольно принявших российское подданство башкир. Нарушение политических и имущественных прав башкир, как правило, в ходе строительства крепостей и заводов, приводило к крупным вооруженным восстаниям. После подавления башкирского восстания 1662–1664 гг. на месте запустевшего дворцового села Архангельского в 1667 г. был построен укрепленный Бирский городок. К XVII в. относится появление на Южном Урале первого русского поселения, основанного в связи с разработкой природных ресурсов. В 1684 г. на соляных месторождениях, принадлежащих башкирам Кесе-Табынской волости, с согласия башкир был построен Соловарный городок, заселенный стрельцами, который вскоре был оставлен, а его жители переведены в Уфу. Эти городки XVII в., хотя и ориентированные в основном на освоение природных богатств края, были заселены постоянным военно-служилым населением, обеспечивавшим безопасность их жителей от внешней угрозы и одновременно исполнявшим полицейские функции.

---

¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 159. Л. 224 об.

Глава II. ВОЕННО-СЛУЖИЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ ГОРОДОВ-КРЕПОСТЕЙ ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ В XVI–XVII ВВ.

2.1. Роль военно-служилого населения городов-крепостей в организации сторожевой и станичной службы

Организация сторожевой службы, входящей в общероссийскую систему обороны, обычно возлагалась на воевод крупных пограничных городов. Одной из основных обязанностей мелких служилых людей пограничных крепостей было несение сторожевой и станичной службы. Сторожи – это наблюдательные посты из нескольких конных воинов, выставлявшиеся на наиболее важных направлениях вокруг городов-крепостей. Для разведки и оповещения воевод о передвижениях неприятеля использовались проезжие станицы – подвижные конные отряды, посылавшиеся в степь по заранее разработанным маршрутам. В XVI–XVII веках сторожи и станицы составляли основу русской сторожевой (пограничной) службы.

Основная тяжесть по обеспечению безопасности страны была возложена на военно-служилое население пограничных городов-крепостей. Наиболее трудной и ответственной обязанностью являлось несение сторожевой и станичной службы. Сторожевые и станичные отряды возглавляли «головы» – лица дворянского происхождения: дворяне и дети боярские. Основной контингент состоял из пеших и конных стрельцов. В составе сторожевых и станичных отрядов непременно находились и «служилые татары», в число которых входили служилые люди — представители нерусских народов, знающие ногайский и другие тюркские языки.

Следует отметить, что история сторожевой и станичной службы на юго-восточных окраинах России впервые была рассмотрена Р. Г. Букановой¹. В связи с тем, что документы приказа Казанского дворца, ведавшего юго-восточными территориями России, не сохранились, важно по аналогии рассмотреть, как была организована сторожевая и станичная служба в общероссийском масштабе «на Поле». Состояние российской сторожевой службы во второй половине XVI в. было обстоятельно исследовано воронежским историком В. П. Загоровским².

В общероссийском масштабе сторожевая служба наиболее системно была организована «на Диком Поле», то есть на южных и юго-восточных границах Российского государства. Эта территория находилась в ведении

---

¹ Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. С. 73–78; Она же. Общероссийская сторожевая служба и основание крепостей на окраинах России XVI веке // Ядьяр. 1999. № 2 (8). С. 146–149.

² Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.

Разрядного приказа – одного из центральных государственных учреждений в России XVI – начала XVIII в. Разрядный приказ совмещал отраслевой и территориальный принципы управления. С одной стороны, он ведал военными делами, служилыми людьми, назначениями полковых и городских воевод, пограничной (сторожевой и станичной) службой, сооружением и ремонтом пограничных укрепленных линий. С другой – в его ведении находились южные районы государства, в частности, управление крупной военно-административной единицей – Белгородским разрядом, возникшим в 1658 г. в результате разбора служилых людей (смотра и переписи служилого населения). В Разрядном приказе составлялись наказы воеводам, росписные списки городов, строельные книги, велись разрядные книги, в которые вносились записи о назначениях на военную и государственную службу. Одной из важных функций приказа была организация общероссийской сторожевой и станичной службы.

Первые официальные сведения об организации общероссийской сторожевой и станичной службы относятся к 70–80-м годам XVI в. В начале января 1571 г. князю М. И. Воротынскому от имени Ивана Грозного было поручено «ведати станицы и сторожи и всякие свои государевы польские службы». В январе – феврале того же года в Москву для обсуждения общих принципов организации сторожевой и станичной службы были созваны из всех «украинных» городов дети боярские, станичники, сторожи и вожи. Итогом этого совещания явилось составление «приговоров», согласно которым, помимо установления общего, централизованного руководства всей российской сторожевой службой из Москвы, в нее были внесены принципиальные структурные изменения. Сторожевая служба складывалась теперь из трех элементов: «1) уже известные прежде путивльские и рыльские станицы, которые должны были ездить теперь по строгому расписанию и по утвержденным в Москве маршрутам; 2) уже известные прежде сторожи из крайних русских городов, которые должны были, периодически сменяясь, находиться на утвержденных в Москве местах, наблюдая за путями возможных татарских набегов; 3) вновь создаваемые крупные общегосударственные сторожи (сторожевые посты) во главе со «стоялыми головами», комплектуемые из служилых людей нескольких городов и посылавшие в стороны по территории Поля свои собственные станицы». Общероссийские сторожи располагались теперь следующим образом: первая – у Волги под Караманским лесом при устье речки Балыклеи, вторая – на левом берегу р. Дона «в Вешках», выше устья Хопра, третья на р. Осколе при устье речки Убли, четвертая на р. Сейме при устье речки Хона. Кроме того, были определены маршруты путивльских и рыльских станиц и утвержден список сторож, устанавливаемых на самом краю Поля воеводами окраинных городов. Вскоре под натиском крымских татар и ногайцев крайняя восточная сторожа была отодвинута с берега Волги под

«Тилеорманский лес», находившийся между Волгой и Доном, у впадения реки Вороны в Хопер в пределах современной Воронежской области. Сторожу под Тилеорманским лесом оберегали дети боярские из Мещеры, мещерские поместные атаманы, «ценская и мокшанская мордва», казаки из Шацка¹. Стратегическая линия обороны в 70-х годах XVI в. проходила по р. Оке, куда выставлялись полки для отражения набегов крымских татар².

В конце XVI в., по всему видно, организация сторожевой и станичной службы в общегосударственном масштабе предусматривала, прежде всего, защиту южнорусской окраины, наиболее уязвимой части территории России. Закамские и заволжские территории сторожевой и станичной службой еще не были охвачены. Сведений о размещении сторожевых постов на территории Башкирского Закамья или на месте будущей Уфимской крепости в конце XVIII в. не имеется³.

В 1571 г. на юге Российского государства находились 73 сторожи и несколько голов со станичниками. Эта сторожевая полоса, выдвинутая вперед от укрепленных городков на 5 – 6 дней пути на востоке ограничивалась р. Волгой. От Тетюши на Волге она шла в юго-западном направлении до р. Орел, притока р. Дон⁴. Тетюшинские сторожевые и станичные отряды должны были вести наблюдение за так называемыми Ногайскими сакмами (традиционными путями), которыми тюрки пользовались еще во времена Золотой Орды. Их описание мы находим в «Выписке в Разряде о построении новых городов и черты», составленной в 1681 г.: «И в те времена Ординские цари и Ногайские мурзы с татары приходили в Российския места войною сакмами:

По 1-й, из-за Волги на Царицынской и Самарской перевозы, и через реку Дон на Казанской брод [Казарской] и на урочище Казар, где ныне Воронеж, на Рязанские и Коломенские места;

По 2-й, перешодь реку Волгу, а Дону реки не дошодь, промеж рек Хопра и Суры, через реки Лесной и Польной Воронежи, на Рязские и на

---

¹ Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 152–154, 156–157.

² Там же. С. 179–180, 182.

³ Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. С. 89–90.

⁴ Кошелев В. И. Возникновение г. Воронежа и его роль в обороне южных рубежей Русского государства // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 26. Воронеж, 1958. С. 201.

Рязанские и на Шацкие места, которою сакмою и Батый в войну на Русь шол»¹.

Этими сакмами ногайцы продолжали пользоваться и в первой половине XVII в. Кроме того, как отмечал П. Черменский, существовал еще один шлях «вверх по Волге реке нагорною стороною к Казани, а от Казани на Нижегородские и Муромские и Касимовские и иные тамошние места»².

Некоторые сведения о посылке станичников в низовья Волги, к ногаям, относятся к 1586 г. В «памяти» боярину Федору Никитичу Романову говорилось, что «посланы ногаи к Урмамет мирзе и к братию его служилые татарове станичная голова Байсу Байдевлеткозин да Янгельде Дашков, да с ними товарищи...»³. Им было выделено солидное по тем временам жалование: Байсу – 12 руб., Янгельде – 10 руб., остальным – по 8 руб. Судя по тому, что посылка станичников осуществлялась не через Разрядный приказ, а через Посольский, и они посылались не для выполнения прямых обязанностей, а с какими-то грамотами, то, вероятно, на них возлагались особые поручения. Не случайно все станичники были подобраны из служилых татар, понимающих ногайский язык. Можно предположить, что уже в это время изучалась местность для размещения будущих сторожей и станичников в низовьях Волги. И только в 1610-х гг. станичные разъезды в низовьях Волги становятся обычным явлением. Ногайские мурзы возмущались: «...И нынча по Волге везде сторожи и они тебя за Волгу не пустят!»⁴. В тексте шертной грамоты 1610 г., составленной в Посольском приказе для приведения к присяге ногайского князя Иштерьяка, специально оговаривалось положение русских станичников. Иштерьяк должен был поклясться, чтобы «...и на станичников, и на гонцов, и на ратных, и на торговых людей государя..., которые поедут по обе стороны реки Волги, по крымской и по ногайской стороне с Москвы и к Москве из украинских городов, по тому ж на них не приходиться, и не побивать, и в полон не имать...»⁵.

В Разрядных книгах только к началу XVII в. относятся первые упоминания о посылке сторож из Казани. Только посылаются сторожи из Казани. В середине XVII в. сторожи размещались в крепостях Тетюши, Лаишев, Оса, Малмыж, Арск, Алатор, Мензелинск, Шешминск, на р. Каме и

---

¹ Известия тамбовской Ученой архивной комиссии. Вып. 33. – Тамбов, 1892. – С. 49 (Копия снята и опубликована А.А. Гломбиевским с документа, хранившегося в Московском архиве Министерства юстиции).

² Черменский П. Очерки по истории колонизации Тамбовского края // Известия Тамбовской Ученой архивной комиссии. Вып. 54. – Тамбов, 1911. С. 193.

³ РГАДА. Ф. 127. 1586. Д. 11. Л. 1.

⁴ РГАДА. Ф. 127. Кн. 9. Л. 153 об. – 154.

⁵ РГАДА. Ф. 127. 1610. Д. 1. Л. 31.

правобережье р. Волги, а также в устье р. Яик, не вторгаясь в пределы Башкортостана.

Так, в 1624 г. в Дворцовых разрядах было записано, что посланы из Казани «головы»: «в Темников – голову с татары Якову Зюзина, с дворяны ездити и с детьми боярскими – Ивана Нарманского голову, с иноземцы – Сергея Онучина голову, Матвея Змеева посылали на заставу; ... да на заставе ж были головы посылаемы: Константин Шушерин, Андрей Онучин. Того ж году объезжие были головы в Казани Дмитрий Голохвастов, Степан Левашов»¹. В середине XVII в. Казань контролировала более обширную территорию. Так, в 1652 г. в указе, посланном казанскому воеводе, боярину Н. И. Одоевскому, говорилось: «В нынешнем, во 160 году с весны во все лето быть на Казанском устье: на заставе на коневье, пешу на пропуске для береженья проезжих всяки людей»². Кроме служилых людей, в казанских «пригородах» Тетюшах, Лаишеве, Осе, Малмыже, Арске, Алатыри, Мензелинске, Шешминске и других новопостроенных крепостях, «на устьях Яик реки» находился казанец Алексей Макаров с командой, «на Мешкоре устье, что впала в Каму реку», – казанец Гаврила Тютчев. Были заставы также на Отемарской засеке, на правобережье р. Волги³. Учреждение перечисленных сторожевых постов в Закамье было обусловлено чрезвычайными обстоятельствами – в 1652 г. было начато строительство Закамской черты. На данном этапе несение сторожевой и станичной службы было возложено на военно-служилое население Казани и закамских крепостей, построенных в 40-х гг. XVII века.

2.2. Характеристика основных групп военно-служилого населения городов-крепостей

Военно-служилое население городов-крепостей было достаточно многообразным. На должности воевод, как правило, назначали служилых людей «по отечеству». Иногда это были опальные бояре, не угодные царскому правительству и отправленные служить в окраинные крепости. Чаще – лица дворянского происхождения.

Лиц дворянского происхождения на юго-восточной окраине – Уфимском уезде было мало. Некоторые сведения об этом можно почерпнуть из родословных «книг» уфимских дворян, которые сохранились в архиве уфимского дворянского депутатского собрания. Как известно, родословные, как источники, требуют к себе критического отношения. Они в боль-

---

¹ Дворцовые разряды. Т. I. 1612–1628 г. СПб., 1850. С. 627.

² РГАДА. Ф. 233. Оп. 1. Кн. 62. Л. 350 об.

³ Дворцовые разряды. Т. III. 1645 – 1676 г. СПб., 1852. С. 278–279.

шом количестве составлялись в период правления Екатерины II. Так, «Жалованной грамотой дворянству» от 21 апреля 1785 г. в губерниях предписывалось составлять дворянские родословные книги. В них вписывались с подтверждением их дворянского происхождения лишь те, кто владел недвижимым имуществом и мог привести доказательства в пользу своего дворянского происхождения. Хотя многие потомки уфимских служилых людей имели сомнительное происхождение, в процессе создания губернских и уездных дворянских корпораций на местах как опоры самодержавной власти это не играло большой роли. Хотя многим потомственной башкирской аристократии – тарханам (князьям) было отказано в дворянском звании лишь на том основании, что они не смогли представить документы, подтверждающие их благородное происхождение¹.

Многие уфимские дворяне воспользовались этим, «удревнив» начало государственной службы в Уфе. Так, в родословных дворян Артемьевых говорилось, что их родоначальник, Иван Васильевич Артемьев, по просьбе башкир дважды – в 1560 и 1569 гг. – посылался в Башкирию: сначала для «отмежевания места», затем для «обчерчивания и построения» города Уфы, хотя до 1586 года города еще не было. Это было отмечено еще дореволюционными местными историками-краеведами. Так, В. А. Новиков, изучивший родословную этой фамилии, отметил, что время посылки Ивана Артемьева в Уфу не доказано, «и самага распоряжения правительства об этой посылке не найдено»². Историк В. Н. Витевский также обратил внимание на то, что распоряжение правительства о посылке И. В. Артемьева в Башкирию не обнаружено³.

Все известные нам официальные сведения об уфимской службе воевод, стрелецких сотников и пятидесятников (в Уфе первоначально было поселено около 200 стрельцов) появились не ранее конца XVI в. Так, в «Отводной книге по Уфе» упоминается стрелецкий сотник, боярский сын Гаврила Захарьин сын Артемьев, которому в 1592 г. были даны земельные дачи «на Турове поляне» и «на Великом поле». В 1600 г. он находился при первом уфимском воеводе М. А. Нагом и в 1600 и 1607 гг. посылался для межевания земельных дач близ Уфы⁴. Другой из уфимских дворян Артемьевых – Михаил, по поместным книгам в 1618 г. стал владельцем починка, основанного в 1607 г. Максимом Герасимовым у «башкирской Мин-

---

¹ Асфандияров А. З. Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. С. 95–99.

² Новиков В. А. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа, 1879. С. 10–12, 14, 15.

³ Витевский В. Н. и И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758. Т. I. С. 371.

⁴ Демидова Н. Ф. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 259–351.

ской деревни подле Долгова озера», а в 1623 г. он получил поместье на р. Шешме¹. Тот же Михаил в 1643 г. посылался для переписи населения и обмежевания их земель в дворцовое село Чалны. То есть раньше 1586 года Артемьевы в Уфимском крае появиться не могли. Это подтверждается родословными других уфимских дворян, Сокуровых и Голубцовых, в которых говорилось о том, что их предки прибыли в Уфу при самом ее основании – в 1586 году². В первые годы существования г. Уфы наличие лиц дворянского происхождения этим исчерпывается.

Наиболее многочисленной являлась категория служилых людей «по прибору», которые состояли из сторожей, приставов, стрельцов, казаков. Кроме того в службу записывались новокрещены – представители местного населения, принявшие христианство. С введением в армии «полков иноземного строя» состав военно-служилого населения городов-крепостей пополнялся за счет служилых полоняников, иноземцев. Взамен отрядов конных стрельцов и казаков были созданы отряды драгун и рейтар, а пешие стрельцы были переведены в разряд солдат. По выполняемым функциям можно выделить копейщиков, станичников, засечных голов, рыбных ловцов. К низшим слоям служилых людей принадлежали «люди пушкарского чина»: пушкари, затинщики, воротники, а также «казенные мастеровые» – кузнецы, плотники и портные мастера, которые следили за исправностью крепостных фортификаций и обеспечивали боеспособность гарнизонов крепостей. На протяжении XVII в. происходила эволюция правового статуса и социально-экономического положения отдельных категорий служилых людей, менялась численность представителей каждой из этих групп.

Кратко охарактеризуем социально-правовое положение основных категорий мелких служилых людей.

Стрельцы. Первая регулярная армия в Европе, появившаяся в середине XVI столетия в результате реформ Ивана IV состояла преимущественно из стрелецких подразделений. До конца XVII столетия данные подразделения участвовали практически во всех битвах, в последние же десятилетия, после формирования полков «нового строя», уже несли службу в походных колоннах и линиях. Основное вооружение стрельцов состояло из самого по тем временам современного огнестрельного оружия – пищали или винтовки с ударным кремневым замком. Кроме того, стрелецкие отряды были снабжены приспособлениями для метания гранат на дальние расстояния, гранатами, полевыми пушками, гаубицами, мортирами. Из холодного оружия, по стандарту, они могли иметь бердыш, копье,

---

¹ Демидова Н. Ф. Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.) // Из истории феодализма и капитализма в Башкирии. Уфа, 1971. С. 313, 344.

² См.: Асфандияров А. З. Основание города Уфы. С. 118.

саблю или другое оружие, в том числе и трофейные палаши. Периодически модернизируясь, стрелецкие войска имели определенные преимущества в плане ведения боя над пехотой других стран, граничащих с Московским государством. У каждого полка или подразделения стрелецкого войска было свое знамя. У каждого подразделения была своя парадная форма, которая отличалась цветом: кафтаны, сапоги, шапки с меховым обрамлением, различными нашивками яркого цвета на шапках. Служба стрельцов была бессрочной и передавалась по наследству. Если в стрелецких полках был недобор, то подразделение пополняли из «охочих вольных людей», а если была острая нехватка количества боевых единиц, особенно в горячих точках и на пограничье, то в ряды регулярных стрелецких войск принимались и беглые холопы, и дезертиры.

Очень важной функцией, которую выполняли стрельцы, была полицейская служба. Если в военное время они составляли боевую часть походного войска, то в мирное время использовались для подавления восстаний, выполнения текущих полицейских обязанностей – поимки и привода ослушников, пьяниц и других правонарушителей.

Элитный стрелецкий полк, приближенный к царю и составлявший его личную гвардию, до 1682 г. назывался Стремянным приказом. Стрелецкие полки управлялись стрелецкими головами, имевшими чин полковника. Им подчинялись подполковники, которые также назывались полуполковниками. Полковыми подразделениями из 500 человек командовали пятисотские, которых назначали из дворян. Подразделением из 100 стрельцов командовали сотники, подчинявшиеся пятисотским, им, в свою очередь, подчинялись пятидесятники, и, по иерархии, десятники, которые набирались из рядовых стрельцов. Престиж и авторитет стрелецкого командования был высок, что гарантировало высокий уровень организованности, дисциплины и слаженности боевых действий стрелецких подразделений¹.

Рядовые стрельцы составляли основное население пограничных городов-крепостей. Они обитали в определенных укрепленных стрелецких слободах за стеной кремля (города).

Социально-экономическое положение стрельцов определялось не только военной службой, но и хозяйственной деятельностью. Стрельцы имели определенные налоговые привилегии, им выдавалось денежное и хлебное жалование, они были освобождены от налогов с ремесленной, торговой или ростовщической деятельности. Стрелецкие семьи владели дворами и участками, огородами, у некоторых имелась пашня, где они сея-

---

¹ Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М.: Современник, 1990. С. 332–333.

ли зерно. Другие же стрелецкие подразделения – городские, получали небогатое денежное и хлебное довольствие, постоянно находились на службе в различных городах или составляли постоянные крепостные гарнизоны.

Стрельцы периодически отправлялись в различные военные кампании, а также могли быть переведены на служение и житье в остроги или новопостроенные города-крепости. Так, в XVII в. почти все новопостроенные крепости Уфимского уезда заселялись стрельцами, переселенными из других поволжских городов. Первоначально они получали хлебное и денежное жалование, впоследствии наделялись землей, что способствовало их оседлости и становлению постоянными жителями российских окраин¹.

Пушкари. Артиллерийскую службу в Русском государстве несли пушкари, которые так же, как и в европейских подразделениях, входили в состав «наряда». Они подчинялись Пушкарскому приказу. Их обязанности, размер жалования были четко регламентированы. Их служба проходила в городах, в составе гарнизонов, где они и проживали, обслуживая артиллерийские орудия. Московские пушкари, например, в мирный период отвечали за состояние орудий в главном артиллерийском парке, который находился в столице. А во время военных кампаний выступали вместе с остальными военными подразделениями в рядах регулярной армии.

Воротники и затинщики. В городские гарнизоны входили боевые единицы, предназначенные для охраны ворот городов-крепостей – воротники. Нельзя оставлять без внимания подразделения затинщиков, ведущих огонь и обслуживающих большие по размеру крепостные пищали, которые назывались затинными («затинные» – находящиеся за тыном – укреплениями). Затинщики и воротники получали содержание из местной городской казны, и их социально-экономическое и правовое положение было аналогичным тяглу населения².

Передачей корреспонденции и доставкой грузов и людей занимались *ямщики*. Они составляли подразделение «ямской гоньбы», служба которого регламентировалась в Ямском приказе. Ямщики проживали на ямских дворах – опорных пунктах, расположенных возле проложенных больших дорог, а также в слободах. Помимо доставки, в их обязанности входило содержание так называемых подвод – транспорта, состоящего из лошадей, в отдельных случаях также была необходимость в телегах и санях, с запряженными в них лошадьми, которыми они обеспечивали людей, имеющих казенную подорожную грамоту. Их служба была пожизненной и наслед-

---

¹ Подробно об этом см.: Буканова Р. Г. Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. Уфа: Китап, 2010.

² Там же.

ственной, их ряды пополняли «охочие люди», также могли и крепостные, освободившиеся от крепостной зависимости¹.

Кроме вышеуказанных групп служилых людей, существовали и другие категории мелких служилых людей: *кузнецы, ремесленники, конюхи* и другие, которые подчинялись воеводской приказной канцелярии, выполняя ее поручения и заказы, и работали в соответствии с потребностями гарнизона и крепости. Вместе с вышеперечисленными категориями служилых людей по прибору они в совокупности составляли единую служилую корпорацию.

Во второй половине XVII в. постепенно снижается роль стрелецкой службы. По своему экономическому положению стрельцы все больше сближаются с податными сословиями государства. Периодическое уменьшение и несвоевременная выплата жалования, введение новых налогов и сокращение льгот, «вседозволенность» власти и начальства – все это вело к нарастанию недовольства среди стрельцов, к их участию в народных выступлениях. Кроме того, наиболее эффективными в плане мобильности, особенно в борьбе с подвижными конными отрядами степняков, становятся конные драгунские и рейтарские полки.

Солдаты. Они так же, как и стрельцы, были наделены землей вблизи городов-крепостей, занимались земледелием, ремеслом, торговлей. Им давались налоговые привилегии, а на период боевых действий они получали денежные выплаты. Различные «охочие люди» и представители крестьянства были обязаны обучаться различным боевым построениям и, находясь в таком строю, умению вести бой. Солдатские полки, которые проходили службу в Москве, получали денежное и продуктовое жалование и были расквартированы в солдатской слободе. Вместе со стрелецкими подразделениями, также служившими в Москве, они составляли «костяк» столичной регулярной боевой силы.

На территории Волжско-Уральского региона по архивным документам солдаты впервые зафиксированы в 30-х гг. XVIII в. на Новой Закамской линии. Это были потомки стрельцов старой Закамской черты, сформированной в середине XVII в. из разных охочих людей, а также насильно переведенных в разряд стрельцов дворцовых крестьян.

Драгуны и рейтары. Кроме солдат и стрельцов, к служилым людям «по прибору» относились драгуны и рейтары. Драгуны не имели земельных наделов и проходили службу в рядах легкой кавалерии. Драгуны по своему социально-экономическому положению являлись средним звеном между пехотой, практически состоящей из лиц недворянского происхож-

---

¹ Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М.: Современник, 1990. С. 333.

дения, и кавалерией, состоящей преимущественно из дворян. В рядах драгун основную массу составляли однодворцы, которые изначально происходили из мелких дворян и считались служилыми людьми «по-отечеству», но позднее согласно указам от 1675 и 1679–1681 гг. были приравнены к «мужикам»¹. Рейтары несли службу в тяжелой кавалерии, их общая численность в России достигала 30 с половиной тысяч человек.

В Уфе рейтарскую службу во второй половине XVII в. нес полк Гаврилы Гаславского, сформированный из бывших полоцких шляхтичей, принявших в 1667 г. (после Андрусовского перемирия с Польшей) российское подданство.

Казаки. В XVI–XVII вв. городские казаки, наряду со стрельцами, относились к военно-служилому населению и несли конную гарнизонную службу в городах-крепостях, в том числе выполняя полицейские функции. Казаки подразделялись на городских (поместных), станичных, сторожевых, полковых. Они поселялись, как правило, в пограничных крепостях, получали денежное жалование и землю. Городские казаки набирались из вольных охочих людей, не состоявших в тягле, или формировались из государственных крестьян. Кроме земли, хлебного и денежного жалования, казаки, занимающиеся торговлей и промыслами, были наделены определенными льготами.

В XVII в. проводится ряд реформ, направленных на модернизацию вооруженных сил. В 20–30-х гг. XVII в. учреждаются солдатские подразделения. Появляются так называемые полки нового строя, командный состав которых формировался за счет наемников-иностранцев в офицерском звании. Полки иноземного строя подразделялись на пикинеров и мушкетеров, имеющих шпагу вместо сабель, а круглые стрелецкие каски им заменяли морионы – шлемы с высоким гребнем и полями, сильно загнутыми спереди и сзади, и на то время модные в Европе кирасы, изготовленные по испанскому образцу. В 1680 г. в России насчитывалось около 61300 солдат.

Истории российского казачества посвящено множество исследований. Анализ их не входит в нашу задачу. Остановимся лишь на характеристике городского казачества.

Городские казаки – первое упоминание о них по русским источникам относится к началу XV века. Их происхождение некоторые исследователи связывают с переходом на постоянную службу к московским и рязанским князьям некоторой части вольных казаков, изгнанных с берегов Дона местными номадами. Этот вопрос нуждается в более детальном изучении.

---

¹ Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М.: Современник, 1990. С. 333.

По мнению ногайского исследователя И. С. Капаева, в начале XV в., после падения Большой Орды под ударами крымского хана Менгли-Гирея, донские казаки «создали войско и стали обретать полную независимость». Возможно, городовые казаки были сформированы за счет воинов хана Большой Орды Ахмата, перешедших на службу к московскому князю. Как пишет указанный автор, еще раньше, «после стояния на Угре» хан был вынужден распустить свое огромное войско, состоявшее, по некоторым данным, из 80–90 тысяч человек, оставив лишь 18 тысяч воинов¹.

На территории Башкирии (Уфимского уезда) городовые казаки впервые появились на Закамской черте, построенной в 1652–1655 гг. в связи с появлением на юго-восточных рубежах России многочисленных калмыцких орд и обострением внешнеполитической ситуации в этом регионе. Так, на Закамской черте в крепости Белый Яр было поселено 100 конных казаков, переселенных из Лаишевской крепости, гарнизоны крепостей Ерыклинска, Тиинска и Новошешминска были укомплектованы за счет пашенных дворцовых крестьян, в принудительном порядке переведенных в разряд конных казаков. Особую группу военно-служилого населения крепостей Закамской черты составили смоленские шляхтичи, которые были направлены на Закамскую черту после взятия русскими войсками Смоленска в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. Смоленские шляхтичи (в некоторых документах они называются «смоленскими казаками») в количестве 464 человек были поселены в крепостях: Тиинске – 127 чел., Новошешминске – 127 чел., Заинске – 81 чел., Мензелинске – 129 чел. В шестидесятых годах XVII века в Мензелинскую крепость был направлен полк под начальством Гаврилы Гаславского, перешедший на сторону России после взятия русскими войсками г. Полоцка².

В Уфе городовое казачество появляется в 70-х годах XVII в. Основу уфимского казачества составил полк вышеупомянутого Гаврилы Гаславского, передислоцированный в Уфу вместе со смоленскими казаками. Именно к этому времени относится появление нового названия соборной церкви в Уфе – в честь Смоленской божьей матери.

В 30-х гг. XVIII в. служилые люди Закамской черты были переведены на Новую Закамскую линию, построенную в 1731–1736 гг., а оттуда часть из них – в крепости Оренбургской укрепленной линии. В 1748 г. по распоряжению Сената был создан Оренбургский нерегулярный корпус из 700 человек, объединивший все воинские формирования под одним общим руководством. Бы-

---

¹ Капаев И. С. Меч судьбы: Исторические исследования. М.: Голос-Пресс, 2017. С. 53–55.

² Буканова Р. Г. Казачество вольное и городовое: сословно-правовой статус // Культура, образование, обычаи и традиции казаков Башкортостана // Материалы Круглого стола 15 ноября 2019 г. Уфа: Изд-во БГПУ, 2019. С. 15–20.

ла учреждена должность войскового атамана. В состав корпуса наряду с казаками городской службы вошли и яицкие казаки, еще ранее переданные в распоряжение Оренбургской экспедиции И. К. Кирилова.

Впоследствии по мере укрепления российской государственности и распространения ее власти на территории расселения вольного казачества различия между вольными и городскими казаками постепенно стираются, но свободолюбивый дух и воинские традиции вольного казачества оказались неистребимыми. Казаки принимают самое активное участие в народных выступлениях XVII–XVIII вв. Потомки вольных казаков становятся основой формирования добровольческой армии в годы Гражданской войны.

В советское время многие сословия бывшей Российской империи, в том числе казаки, оказались лишены правового статуса. С начала 1990-х годов российское правительство стало принимать меры по воссозданию казачьего самоуправления. Всего в отношении российского казачества было принято около 60 законодательных и нормативно-правовых актов, направленных на возрождение традиций, культуры и быта казаков¹.

В наши дни в ряде городов в целях охраны общественного порядка правоохранительными органами к этой деятельности привлекаются казачьи общественные организации и казачьи формирования. Однако следует признать, что не все созданные в больших городах казачьи формирования соответствуют современным требованиям и отражают историческую реальность. Попытка возродить в городах патриархальную организационную структуру и атрибутику вольного казачества (например, казачий круг, казачье обмундирование и др.) ставит эти общественные организации в неоднозначное положение, что в корне противоречит самой сущности города, являющегося продуктом цивилизационного развития общества, основанного на государственном подходе. Причина заключается в непонимании разницы между вольными (донскими, волжскими, яицкими, сибирскими и другими) казаками, чья военная и организационная структура складывалась стихийно, и городскими казаками, которые входили в состав вооруженных сил и являлись надежной опорой Российского государства.

2.3. Происхождение, служба и вооружение служилых людей «по прибору»

Первоначально становление вооруженных сил Московского государства производилось двумя методами. В первую очередь посредством за-

---

¹ Казачество в современной России. Справка. 09:1026.05.2010 // <https://ria.ru/spravka/20100526/238433341.html> (дата обращения: 14.06.2019).

преата отхода служилых людей от Великого князя в Литву или к иным влиятельным сюзеренам и принуждения удельных князей и бояр к прохождению службы в пределах их вотчины. То есть институт вассально-сеньориальных отношений постепенно заменяется институтом подданства. Формируются постоянные отряды войск удельных князей и бояр, вотчинные земли которых являлись частью Московского государства. Одновременно шел постепенный процесс расширения «двора» Великого князя. Служилые люди Великого князя были полностью зависимы от него не только в военном, но и экономическом отношении. При Иване III функция обеспечения служилых людей поместными землями за счет захваченных территорий соседних княжеств постепенно переходит к государству в лице Великого князя. Так, в процессе присоединения земель Новгородской республики и Тверского княжества захваченные земли были розданы служилым людям. В результате данных мероприятий появилась традиция наделяния служилых людей поместьями за счет «государевых земель», отношения между властью и поместным войском определялись условным характером землепользования. Теперь воин стал человеком, подчиняющимся непосредственно государству, а не отдельному князю или боярину. Поместное войско, состоявшее из дворян, сформировало основу вооруженных сил Московского государства.

Приборные служилые люди, такие как пищальники, в будущем стрелецкие отряды, подразделения служилых иностранцев, линейные казаки, обслуживающие артиллерию пушкарки и вспомогательные посошные войска и даточные люди в военных кампаниях и битвах распределялись в различные дворянские полки, способствуя усилению боевой мощи.

Данная структура организации военной силы изменилась ко второй половине XVII столетия, когда русскую рать пополнили так называемые полки нового строя – солдаты, рейтары, драгуны и пр., которые действовали в полках отдельно от данных подразделений.

На сегодняшний день бытует мнение, что боевые подразделения служилых людей, участвовавших в боевых действиях, имели четыре основных разряда: кавалерию, пехоту, артиллерию и вспомогательные единицы, занимающиеся военно-инженерными работами. К первой группе относились отряды дворянского ополчения, иностранные отряды, стремянные стрельцы, линейные и городские казаки, верховые даточные люди, как правило, набиравшиеся из монастырских волостей и выступавшие в военный поход верхом. В пехоту же входили такие подразделения, как стрельцы, городские казаки, с XVII столетия солдаты, даточные люди, а в случае острой необходимости спешенные дворянские отряды и их боевые холопы. Артиллерийские расчеты или, иные, «наряды» состояли из пушкарей и затинщиков, но иногда орудия эксплуатировались и служилыми людьми «по-прибору».

Вопреки распространенной точке зрения об использовании в инженерных работах лишь посошных людей, можно отметить, что большое количество источников XVII столетия заверяет причастность к фортификационным работам стрелецких отрядов, нередко и столичных. Владимир Волков приводит отрывки из данных документов: «В 1592 г., при постройке Ельца, назначенные к «городовому делу» посошные люди бежали и крепостные укрепления строили новоприборные елецкие стрельцы и казаки. При схожих обстоятельствах в 1637 г. московские стрельцы «поставили» город Яблонов, о чем сообщал в Москву Андрей Васильевич Бутурлин, ведавший строительством: «И я, холоп твой... велел московским стрельцам под Яблоновым лесом острог ставить от Яблоново лесу до реки до Корочи. И колодези копать и погреб дубовой на твою государеву зелейную казну делать... А острог сделали и совсем укрепили и колодези выкопали и надолбы поставлены апреля в 30 день. А стоялых государь острожков послал я, холоп твой, ставить для [пос] пешенья московских стрельцов до приходу воинских людей. Где довелись острошки поставить того ж числа. А как, государь, стоялые острошки устроятца и совсем укрепятца, и о том к тебе, государю, я, холоп твой отпишу. А осколеня, государь, к надолбному делу не едут. И надолбы не доведены до Халанского лесу версты з две...».¹

Среди исследователей военной истории Российского государства XV–XVIII вв. по вопросу происхождения стрелецких отрядов сложились различные мнения.

Вопрос о военной организации Русского государства XV–XVI вв. до сих пор не получил должного отображения в отечественной историографии. Единственная монография на данную тему А. В. Чернова содержит раздел, посвященный пищальникам, где автор, проанализировав некоторые источники за первую половину XVI в., пришел к мнению, что они относились к тягловому населению, поэтому не являлись предшественниками стрельцов². А. В. Чернов также считал пищальников пехотой, а пушкарей артиллерией, не обратив внимания, что термин «пушкари» (исключая иностранных мастеров) появляется лишь в 1540-е гг. Однако другие историки считают ошибкой отделение стрельцов от пищальников. По их мнению, пищальники во всем похожи на стрельцов, тем более, что последние набираются именно из их рядов во время реформ середины XVI в. Исследователи, что-либо писавшие о пищальниках, воспринимали их как некую единую однородную группу в составе вооруженных сил России, не обратив

---

¹ Волков В. А. Ратные подвиги Древней Руси. М.: Алгоритм, 2011. С. 216.

² Чернов А. В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (с образования централизованного государства до реформ при Петре I). М., 1954. С. 30–33.

должного внимания на двойственность их социального состава и боевого использования.

Ученые солидарны в том, что с конца XV до середины XVI века это слово обозначало воинов, ведших бой огнестрельным оружием. Пищальники начали активно фигурировать в источниках с рубежа XV–XVI вв. и делились на две основные категории: 1) казённых пищальников, постоянно несших службу в городах и происходивших из нетяглового городского населения; 2) эпизодически набравшихся во время войн как из городов, так и из сельской местности¹.

История русских пищальников теснейшим образом связана с появлением на Руси огнестрельного оружия и теми процессами, которые привели в конечном итоге к «пороховой революции» в военном деле. Огнестрельное оружие на Руси известно с 1382 г., когда Москва отбивалась от нашествия хана Тохтамыша. В дальнейшем в летописях все чаще встречаются известия о его использовании при осаде или обороне городов и крепостей. XV в. принес в Европу прорыв в технологии изготовления и боевом применении порохового оружия. В дальнейшем обоюдная заинтересованность: Москвы – в международном признании и получении технических новшеств, а «Священной Римской империи германской нации», мелких государств Аппенинского полуострова и подданных бывшей Византийской империи – в приобретении нового, неизвестного союзника в борьбе против Османской империи, приводит к наплыву итало-немецких специалистов военного дела ко двору Великого князя. Последняя четверть XV столетия характерна для Руси качественным и количественным увеличением ее огнестрельного арсенала. Приехавший в Москву в 1475 г. итальянский мастер Аристотель Фиораванти занимался не только архитектурой. В 1479 г. он организует в Москве Пушечный двор, который позднее стал в крупной литейной пушечной мануфактурой. В Москву же и после Фиораванти периодически прибывают поодиночке или группами приглашенные Великим князем европейские мастера-оружейники.

Уже в 1480 г. русские летописцы писали о противостоянии с татарами Большой Орды на р. Угре: «Наши стрелами и пищалми многих побивша». На миниатюре Лицевого Свода XVI в., иллюстрирующей это событие, изображены пушка и ручная пищаль. Так что формальное свержение ордынского ига происходит на фоне военно-технического превосходства Москвы над Степью. К тому же «стояние» на р. Угре является первым из

---

¹ Глазьев В. Н. Стрельцы и их начальники в XVI в. // История военного дела: исследования и источники. 2013. Спец. вып. 1. Русская армия в эпоху царя Ивана IV Грозного: материалы научной дискуссии к 455-летию начала Ливонской войны. Ч. 1. Статьи. Вып. 2. С. 188–191.

вестным своеобразным полевым сражением, где московское войско применяет огнестрельное оружие, и это, по сути, первое свидетельство об использовании русскими воинами «ручниц» в бою. Буквально через полгода, в следующем 1481 г., расправившись с Большой Ордой, воеводы великого князя Ивана III Васильевича уже были в походе на Ливонский Орден, который попытался воспользоваться тяжелым положением Руси. Осаждая крепость Феллин (Велиад), московская рать, как свидетельствует Никонская летопись, «начаше крепко приступати под город с пушками и с пищальми, и с тюфяки и, разбивше стену, охабень Велиада взяша». Это первый известный на Руси случай взятия города «огненным боем».

Документы, сообщающие названия разных видов огнестрельного оружия: пушки, пищали, тюфяки, ручницы, – не называют людей, использовавших и обслуживавших эту важнейшую часть арсенала Великого князя. Ответить на поставленный вопрос помогает сообщение московского посла в Италии Георгия Перкамота, продиктовавшего в 1486 г. в канцелярии миланского герцога Сфорца сообщение о России. Характеризуя при миланском дворе Московское государство и Великого князя московского, Георгий Перкамот утверждал, что после того, как немцы совсем ввезли в Россию самострел и мушкет, дворяне освоили их. И они стали широко применяться в русской армии. Таким образом, дети боярские, служившие в поместной коннице, и иностранные мастера-оружейники были первой «обслугой» огнестрельного оружия московского войска.

Для Московского великого княжества первое упоминание о пищальниках сохранилось в переписных книгах только около 1500 г. Орудия нуждались в постоянном уходе за ними и поддержании их в боевой готовности. При малочисленности пищальников и других категорий служилых людей, разбирающихся в вооружении, к обслуживанию могли быть привлечены другие лица. Так, в сохранившейся жалованной грамоте Великого князя Василия III Спасскому архимандриту Ионе с братьею от 9 августа 1511 г. говорится: «...и кто у них на том месте, на пустом, учнут житии, тем их людем з городскими людьми – к сотским и к десятским с тяглыми людьми не тянуть: ни в какие протори, ни в розметы, опричь посошные службы и пищального наряду, и городского дела». Таким образом, к началу XVI в. в вооруженных силах Московского государства имелось два вида пищальников. Одни – нетяглые, то есть не являющиеся податными людьми, обязанными платить государству подати. Это служилые люди, которые несли постоянную военную службу (возможно, пищальники-оружейники). Другие – временно набираемые из городского тяглого населения. Причем нам ничего не известно об их обучении. Набором горожан для обслуживания военного вооружения московское правительство стремилось восполнить недостаток в своем войске, которое не должно было отставать от нового, быстро развивающегося в Европе вида вооруженных сил. Поэтому

оно было заинтересовано в неуклонном увеличении численности казенных изначально хорошо обученных пищальников. Благодаря этому, вооруженные силы Московского государства ничем не уступали иноземным войскам. Пищальники, по мере увеличения их численности и оснащения русской армии огнестрельным вооружением, создали основу для последующей военной реформы, предпринятой Иваном Грозным. Спустя несколько десятилетий, уже к середине XVI века на авансцену истории выходят знаменитые московские стрельцы – прямые наследники пищальников.

Австрийский посол С. Герберштейн, побывавший в России в 1517 и в 1526 гг., сообщал о русских, что они в сражениях никогда не употребляли пехоты и пушек. В отличие от европейских стран, действительно, основу русской армии в то время составляла конница. Это было наследием золотоордынской эпохи, где в борьбе со степняками необходимо было иметь конницу, так как пехота оказывалась бессильной против конницы противника. После разгрома основного противника Москвы – Казанского ханства, Россия в своей внешней политике все больше начинает ориентироваться на Запад. Вследствие этого необходимость укрепления обороноспособности государства и противостояние с западными странами, а также развитие вооруженных сил требовали создания боеспособной пехоты, оснащенной огнестрельным оружием.

Пехота с огнестрельным оружием рассматривалась великокняжеской властью не только как средство усиления армии, но и как возможность укрепить личную безопасность монарха и обеспечить силовое воздействие на подданных. Василий III пошел по пути создания отряда телохранителей из – числа наемников-иностранцев. Правительство Ивана IV, формируя в 1550 г. «выборных стрельцов», стремилось, в частности, обеспечить царя надежной охраной, дополняющей слуг из состава государева двора.

При создании стрелецкого войска учитывался иностранный опыт. Военные историки считают, что в устройстве стрельцов первоначально многое было взято от немецких ландскнехтов. Вероятно, и литовские жолнеры могли послужить одним из образцов при организации стрелецкого войска.

Литовская пехота с огнестрельным оружием – жолнеры – была хорошо известна на Руси. Известно, что уже при Василии III в 1502 г. против Ливонского Ордена сражались псковичи и жолнеры с пищальями. В 1513 г. под Смоленском против русской армии действовали гетманы жолнерские и жолнеры. В 1514 г., после взятия Смоленска, Василий III «жаловал» (очевидно, помиловал) пленных литовских гетманов жолнерских и жолнеров. В бою под Оршей литовские жолнеры, располагавшиеся в лесах, застрелили из пищалей многих воинов Василия III. В сентябре 1534 г. под Стародубом был взят в плен литовский жолнерский воевода Суходольский с жолнерами. Часть пленных жолнеров, по всей видимости, перешла на

сторону московского государя и попала в великокняжеские телохранители и в отряды пищальников.

Развитие технического перевооружения русской армии и появление новых видов воинских подразделений не могло не найти отражения в законодательных актах Московского государства. На основе иностранных образцов по указу царя Алексея Михайловича в 1647 году был создан воинский устав, который содержал инструкции по обучению «хитрости ратного строения пехотных людей». Однако, как было отмечено выше, в рядах пищальников было много лиц иностранного происхождения. Волнения среди пищальников, которые произошли в 1546 г. в Коломне, обнаружили недостаточную надежность этих военных соединений. Необходимо было пересмотреть всю структуру вооруженных сил Московского государства. Потребность в боеспособной пехоте особенно отчетливо проявилась во время осады Казани Иваном IV в феврале 1550 г. К штурму были привлечены пешие холопы с пищальями. Однако это не оправдало ожиданий царя, холопы были слабо подготовлены к использованию огнестрельного оружия и ведению боя, многие из них просто не смогли стрелять из пищалей, и, как следствие, Казань взять не удалось.

Опыт неудачного похода, а также необходимость заменить пищальников хорошо подготовленными и вооруженными служилыми людьми, преданными царю, побудило правительство принять решение об учреждении стрелецкого войска. Первым постоянным стрелецким войском стал созданный в Москве в 1550 г. отряд «выборных стрельцов». Они были изначально поставлены на государственное довольствие: им было велено выдавать ежегодно по 4 рубля жалования. Это обеспечивало не только лояльность воинов по отношению к правительству, но и их зависимость от государства. Отряд «выборных стрельцов» делился на «статьи» (позднее их стали называть приказами). «Статьи» в свою очередь разбивались на сотни. Вслед за созданием отряда московских стрельцов подобные отряды путем «прибора» стали создаваться и в других городах.

После создания подразделения «выборных стрельцов» обозначение людей, вооруженных пищальями и состоящих на государственном обеспечении, изменилось. Термин «казенный пищальник» постепенно сменился словом «огненный стрелец», или просто «стрелец». Некоторое время одновременно сосуществовали и употреблялись понятия «пищальник» и «стрелец». Так, в одном из летописных известий говорилось, что Иван IV «учинил выборных стрельцов» 6 статей, а в каждой статье «пищальников» 500 человек. Постепенно термин «стрелец» вытеснил старое наименование «пищальник». Часто и в наши дни термин «стрельцы» понимается как пешие воины, вооруженные пищальями, то есть огнестрельным оружием.

В русском языке слово «стрелец» обозначало стреляющего человека (из любого оружия). Оно бытовало на Руси издавна. В Лаврентьевской ле-

тописи, например, термин «стрелец» встречается при описании событий 1097, 1150, 1154, 1177, 1223 гг. Начиная с середины XVI в. так стали называть воинов с ручным огнестрельным оружием, составляющих особую группу населения, как отдельный «чин» в Российском государстве.

Головами и сотниками к стрельцам назначали только дворян и детей боярских. Рядовые же стрельцы были вооружены пищалями, бердышами, мечами. С ними проводились специальные занятия по стрельбе. За службу, как было сказано выше, стрельцы получали хлебное и денежное жалование, при этом оно не обеспечивало полностью нужды стрельцов. Через некоторое время жалование, при условии наличия свободных земель вокруг города, заменялось пожалованием земель, за счет которого семья стрельца могла прокормиться. Поэтому в качестве дополнительного источника существования правительство разрешало им заниматься ремеслами, торговлей и промыслами.

Набор и содержание стрельцов не составляли исключительного права царя. Иногда стрельцы находились на службе у крупных собственников, способных содержать стрельцов за свой счет. Следует иметь в виду, что существовали частновладельческие городки. Так, например, город Гурьев в устье р. Яик был построен в 40-х гг. XVII в. рыбопромышленником Гурьевым, в котором тоже несли охранную службу стрельцы. На нашей территории на месте добычи соли в Кесе-Табынской волости – на землях, арендованных у башкир – по просьбе русских солепромышленников в 1684 году был построен Соловарный городок, в котором было поселено 200 стрельцов, переведенных из Чебоксарской крепости. В состав гарнизонов городов, принадлежавших И. Ф. Мстиславскому (Венев, Епифань) и Романовым (Скопин), входили стрельцы, получавшие жалование от владельцев городов. Разумеется, число владельческих стрельцов было незначительным и имело тенденцию к сокращению. Это явление – прямой пережиток удельной старины. Подавляющее большинство стрельцов находилось на службе у царя, который опирался на стрелецкие полки как основу укрепления его власти. Служебные обязанности стрельцов различались. Можно выделить три основные группы стрельцов. По сообщению источников, стрельцы могли нести службу либо в качестве княжеских телохранителей, либо нести военную службу в походных полках, либо гарнизонную службу в крепостях. Наиболее привилегированными были стрельцы, составлявшие вооруженную охрану царя – «стремянные». Они несли караулы во дворце, оберегали главу государства во время походов и выездов, арестовывали лиц, попавших в опалу.

После учреждения опричнины в 1565 г. часть стрельцов служила в опричном войске. Главной задачей опричных стрельцов была охрана царской особы и его дворца. Ежедневно в караул при дворце заступало 500

стрельцов. Во время Новгородского похода в 15 тысячном опричном войске числилось 1500 стрельцов.

О достоинствах стрельцов как телохранителей свидетельствует красноречивый факт. Российского ставленника в Казани – «царя Шигалея» (Шах-Али) осенью 1551 г. охраняло 500 русских стрельцов. Они должны были «царя беречь от казанцев». В ноябре того же года стрельцы были использованы при подавлении вооруженного выступления знати против Шах-Али. Многие недоброжелатели Шах-Али говорили, что если Иван IV отзовет стрельцов из Казани, то его ставленник сбежит оттуда сам.

В действующей армии стрельцов отличали высокие боевые качества, выразившиеся в покорении Казанского, Астраханского, Сибирского ханств, проявившиеся Ливонской войне, боях с крымскими татарами.

Таким образом, создание стрелецкого войска – одно из важных мероприятий в цепи реформ середины XVI в., повлекшее укрепление российской армии и усилившее царскую власть. Вместе с тем на характере службы городских стрельцов, их экономическом положении отражались особенности той или иной местности России. Поэтому при изучении городских стрельцов может быть плодотворным региональный подход¹.

Стрелецкое войско по тем временам было хорошо вооружено. Помимо бердыща, пищали и сабли, стрелецкому воину также полагалось снаряжение: портупейного типа – «берендейка» или «бандальер» с приделанными шнурками к ней гнездами для патронов и предметами, необходимым для создания выстрела и перезарядки (пороховница – натруска, пыж и мешочек с пулями, сумка-ташка), и единственная металлическая часть униформы – «шапка железная». Знаменосцы были вооружены только лишь саблями, а офицеры, помимо сабель, имели трость. В первой половине XVII столетия в стрелецких подразделениях были пикинеры, вооружённые длинными пиками и пикинерскими шпагами, которые некоторые исследователи ошибочно называют мечами.

Стрелецкая пищаль была фитильной, кремнёвое оружие практически не встречалось не только у городских, но даже и у московских стрельцов. Московские стрельцы, по свидетельству очевидцев, не жаловали кремнёвое оружие. Следует отметить, что стрельцы, в отличие от дворянского ополчения, не были вольны в выборе оружия, а получали его от государства. Причину вооружения их устаревшим оружием следует искать в постоянной нехватке финансов у русского правительства в XVII в. Кремнёвых мушкетов в России тогда не изготавливали, а закупленное за границей

---

¹Глазьев В. Н. Стрельцы новых русских городов «на Поле» конца XVI в. // Чтения памяти В. Б. Кобрин: Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма. М., 1992. С. 42–43.

оружие также было далеко не новых образцов. Поэтому не следует из этого делать вывод о том, что наличие у стрельцов фитильных ружей якобы являлось следствием их привередливости и консерватизма.

Бердыш представлял собой лезвие, похожее на полулуние, насаженное на длинное древко, которое снизу заканчивалось небольшим «копьемцом» для более удобного втыкания в землю, а также для нанесения возвратных ударов в рукопашном бою. Носился бердыш на ремне через плечо либо в руках. Стрельцы могли использовать его как сошник при стрельбе из «самопалов», непосредственно в качестве древкового оружия, а также брали с собой в караул.

Стрелецкая сабля почти ничем не отличалась от других образцов сабель, находившихся на вооружении у русского войска в XVII в. На эфесах стрелецких сабель имелась защищающая пальцы стальная полоска, что дало повод называть их «саблями польского типа». Однако среди польских сабель эфесы подобного рода встречались крайне редко: они не принадлежали к числу их определяющих признаков.

Доспех, полагавшийся стрельцам, состоял из «шапки железной», представлявшей собой полусферу с небольшими полями, чрезвычайно удобную для стрелка-пехотинца. Такой шлем не закрывал обзор, не мешал целиться, надежно защищал голову от вражеских клинков. Возможно, по собственной инициативе стрельцы поддевали под форменные кафтаны кольчуги или кожаные латы с нашитыми железными бляхами. В целом есть все основания утверждать, что стрелецкое вооружение и снаряжение было достаточно хорошо приспособлено как для дальнего, так и для рукопашного боя.

Стрелецкая военная одежда состояла из кафтана, шапки и сапог. На основании рисунков XVII в. можно сделать вывод о том, что существовала парадная и повседневная одежда. Парадная форма отличалась от повседневной тем, что шилась из более дорогого сукна и украшалась золотыми или серебряными шнурками – разговорами («шнурками») на груди. Кафтан стрельца покроем походил на ферязь, т. е. представлял собой длинное свободное одеяние, спускавшееся до самых пят, с широкими, но суженными у запястья рукавами. Что же касается формы воротника, то она изменялась: в начале XVII в. он был отложным, треугольным и сзади доходил до середины спины, а к концу столетия – стал стоячим. Каждому полку присваивался определённый цвет кафтанов, шапок и сапог. Цвета парадных стрелецких кафтанов отличались большим разнообразием: среди них встречались различные оттенки красного, зелёного, синего и жёлтого. Стрелецкий командный состав одевался в платье несколько иного покроя. Оно более походило на охабень и подпоясывалось кушаком. Простые же стрельцы в качестве пояса использовали обыкновенные кожаные ремни, к которым крепились сабли.

Шапки стрельцов практически ничем не отличались от народных головных уборов. Они шились из цветного сукна и оторочивались мехом: у рядовых стрельцов – овчинным, а у «начальных людей» – собольим. На шапки стрелецких начальников нашивался отличительный знак в виде жемчужного изображения короны. Головные уборы стрелецких знаменосцев имели небольшой разъем над лбом и не были оторочены мехом. Сапоги стрельцов имели длинные голенища, высокие каблуки и острые загнутые концы. Как и шапки, они были цветными. Сапоги командиров не отличались фасоном, но делались из юфти – более тонкой и дорогой кожи. Стрелецким знаменосцам и начальникам полагались белые «перчатые» рукавицы с большими крагами.

К форменной одежде стрельцов некоторые исследователи причисляют и такие предметы гардероба, как зипуны, порты и кушаки. Данное суждение представляется неправомерным, поскольку в документах, касающихся стрелецкой униформы, перечисленные детали костюма не указываются. На самом деле зипуны, порты и рубахи носили не только стрельцы, так как они являлись повседневной одеждой. Стрельцы, скорее всего, их шили сами. Что же касается кушаков, то вместо них, как уже отмечалось выше, стрельцы носили ремни. Перчатки, которые носили военные люди в Европе в качестве части униформы, у рядовых русских стрельцов, нигде на рисунках современников не изображаются. Зимой стрельцов обеспечивали тулупами, валенками и шапками. В это время года стрелецкие полки различались только по цвету шапок, так как тулупы и валенки не окрашивались в цвета полков.

Таким образом, в обмундировании и вооружении стрельцов можно проследить некоторые черты унификации. В целом период с середины XVI – до конца XVII столетия являлся новой важной ступенью модернизации боевой силы Русского государства. Это свидетельствовало не только о создании новых вооруженных сил, но и новом этапе развития государства, укреплении централизованной державы.

Заметно увеличился состав русской армии. Появление приборных служилых людей положило начало к существованию регулярной силы в стране – стрелецких подразделений. Произошли перемены в классовом составе войска и в его оснащении видами вооружения. Служилые люди «по прибору» в количественном соотношении стал преобладать над кавалерией.

Организация войска со второй половины XVII столетия приспособилась к новым условиям, выдвинутому временем: состав боевой силы претерпел существенные изменения. При этом армия осталась прежней, она была лишь дополнена новыми подразделениями. Укреплению вооруженных сил России способствовали меры, направленные на поднятие эффективности централизованного управления армией, возрастание численности

и подготовленности командных подразделений, в частности начальных людей – сотников, увеличение оснащения армии в плане боеприпасов, вооружения и амуниции и др. Русское войско представляло собой единую боевую силу, которая напрямую подчинялась монарху.

Наряду с оптимизацией организационной структуры армии, модернизировалось вооружение и амуниция войск. «Наряд» Русского государства по своему составу, размерам, техническим характеристикам и ударной силе становится самой значимой и эффективной составляющей вооруженных сил страны.

Произошла существенная модернизация вооружения регулярных пехотных подразделений, состоящего преимущественно из ручного огнестрельного оружия, изменились тактика боя и способы ведения войн.

В совокупности период XVI–XVII вв. являлся наивысшей ступенью в совершенствовании данной войсковой организации, зародившейся в процессе образования централизованного Московского государства и усиления абсолютной монархии. Построение и структура армии в данный период полностью соответствовали технологиям своего времени и даже опережали современные армии граничащих с государством стран.

2.4. Правовое положение военно-служилого населения Российского государства по Соборному Уложению 1649 года

Вооруженные силы являлись наиважнейшим двигателем государственного аппарата возрастающей абсолютной власти. Они были предназначены для решения задач внутренней и внешней политики. Поэтому в Соборном уложении 1649 г. социально-экономическому и правовому положению военных сил отведено приличное количество пунктов. Правовое положение вооруженных сил XVII в. регламентировано преимущественно в четырех главах: глава VII «О службе всяких ратных людей Московского государства»¹, глава XXIII «О стрельцах»², глава XXIV «Указ о атаманах и о казаках»³ и глава VIII «О искуплении пленных»⁴.

Но все же социально-правовая база служилого населения в Уложении не ограничивается только данными главами. Например, глава VII регламентирует в основном функции и права служилых людей, находящихся в походах. Различные главы Соборного уложения посвящены

---

¹ Соборное уложение 1649. Глава XVII. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов XVI – начала XVII века. М., 1985. С. 75–442. Глава XVII.

² Там же. Гл. XXIII.

³ Там же. Гл. XXIV.

⁴ Там же. Гл. VIII.

материальной обеспеченности служилых людей, комплектованию, составу, занятиям, привилегиям, санкционной политике и т. д.¹

В Соборном уложении военные силы отобразены в том положении, в котором они эволюционировали к XVII в. В частности, в Уложении были описаны изменения, которые применились в первой половине XVII столетия, а именно – появление полков нового строя и др. Регулярная армия государства на момент принятия Соборного уложения, в своем составе имела служилых людей «по-отечеству» и «по прибору». Согласно Уложению служилые люди «по отечеству» подразделялись на служилых людей думных – бояр, окольных, думных дворян; служилых людей московских – стольников, стряпчих, дворян московских, жильцов; служилых людей городских – дворян и детей боярских выборных («по выбору»), дворовых («по дворовому списку») и городских (городской службы). Служилые же люди «по-прибору» состояли из стрельцов, казаков, пушкарей, затынщиков, воротников, даточных людей, а с 1630-х гг. – солдат, драгун.

Роль ополчения, ядром которого было поместное дворянство, постепенно уходила на второй план, но все же ближе ко второй половине XVII столетия была актуальной. Перемены в правовом статусе поместья, потеря его прежних черт и намерения слияния с вотчиной выражались в данных изменениях. Но в итоге именно в области поземельного права стали заметными признаки кризиса кавалерии дворян, потери ее важности. Причиной этому был подъем производительных сил, модернизация и изменение вооружения и амуниции, перемены в способах ведения боевых действий, в том числе замена кавалерии подавляющим количеством пехотинцев.

Другая же часть войска – «приборные» служилые люди – преимущественно состояли из стрельцов. Количественно они перевешивали ополчение дворян, до 1630-х годов оставаясь единственной регулярной составляющей войска. Они подразделялись на столичных и городских². И ополчение и стрельцы получали денежные и хлебные выплаты, нередко и земельные наделы. В среднем, годовой оклад стрельца имел размер 3 рубля и 12 четвертей ржи и овса. В городах, преимущественно в пограничных, взамен хлебного жалования стрельцов наделяли земельными участками размером от 8 до 12 четвертей, поэтому они были привязаны к месту, где служили и занимались земледелием. Сотникам столичных стрелецких подразделений, набравшимся из дворян,

---

¹ Маньков А. Г. Уложение 1649 года кодекс феодального права России / 2-е изд., испр. М.: ГПИБ, 2003. С. 183.

² Соборное уложение. Глава X. Статья 126.

выдавался подмосковный поместный оклад, который был равен 50 четвертям на человека¹.

Принимая в учет скудность материального снабжения стрелецких подразделений, правительство давало разрешение им на занятие торговлей, ремеслами и промыслами в городах, предоставляя им привилегии и льготы. С торговых промыслов они выплачивали таможенные пошлины, а с лавок – платили оброк, но были освобождены от тягла и служб в посаде². По причине неосуществимости долговых обязательств, взятых стрельцами, – не отдавались головою до искупа, а задолженность выплачивалась истцу из жалования стрельца³. Существовали и иные льготы: стрельцы не платили пошлину по судебным делам⁴, за разнообразные грамоты — в «управных делех и в займех по кабалам и которые грамоты даны будут головам же и сотникам на вотчины и на поместья ввозные и отказные и жаловальные...»⁵.

В другом случае уточняется, что от пошлин освобождаются городовые стрельцы, стрелецкие головы и сотники только в случае, если будут бить челом государю друг на друга или подавать челобитья о землях, денежном и хлебном жаловании, а также в том случае, когда им будут даны грамоты с указанием размеров беспошлинной торговли⁶. Если же челобитные поданы ими на сторонних людей и в ответ получены государевы грамоты, то «пошлины имати по указу»⁷. Без взимания пошлин оставались иски стрельцов в сумме до 12 руб., а к стрельцам – до 100 рублей. Иски свыше этих сумм облагались пошлиной в размере «с рубля по гривне, да с суда пересуду по шти алтын по четыре деньги, да правого десятка по четыре деньги». Это правило распространялось и на родственников стрельцов, живших с ними⁸. Указанные меры предпринимались с целью облегчить положение стрельцов и сохранить их кадры.

Стрельцов, как и других служилых «по прибору» (пушкарей, затынщиков и др.), вербовали из числа охочих людей, но чаще по неволе – из числа посадских людей⁹ и других категорий населения. Тяглые посадские люди, перешедшие в стрельцы добровольно, вместе с первыми двумя сыновьями подлежали возврату в посад. Третий сын оставался на

---

¹ Соборное уложение. Глава XVI. Статья 1.

² Там же. Глава XIX. Статья 11.

³ Там же. Глава X. Статья 265.

⁴ Там же. Глава X. Статья 124; 126.

⁵ Там же. Глава XVIII. Статья 49.

⁶ Там же. Глава XVIII. Статья 51–53.

⁷ Там же. Глава XVIII. Статья 51.

⁸ Там же. Глава X. Статья 126.

⁹ Там же. Глава XIX. Статья 26.

стрелецкой службе¹. Беглые крестьяне, попавшие в состав стрельцов, казаков и пушкарей, подлежали возврату своим помещикам². Из стрелецкого войска был образован Стремянный приказ – личная гвардия царя. Близость стрельцов по происхождению и положению к посадским людям, с одной стороны, и их роль полицейской силы – с другой, определили двойственность поведения стрельцов в отношении Повстанцев в городских восстаниях 40-х гг., и в Московском восстании 1662 г.

Значение стрельцов как военной и полицейской силы подчеркивалось наличием Стрелецкого приказа. Именно в этой связи Уложение 1649 г. впервые конституировало в специальной главе подсудность стрельцов Стрелецкому приказу по всем делам, кроме разбоя и кражи³. При исках стрельцов к сторонним лицам дело могло рассматриваться в другом приказе, но при условии, если челобитная стрельца удостоверена Стрелецким приказом⁴. Взаимные иски стрельцов о бесчестии их самих или членов семей рассматривались также в Стрелецком приказе, причем по просьбе виновного обычная мера наказания за бесчестье – штраф в пользу потерпевшей стороны – могла быть заменена – битьем кнутом⁵. Иначе обстояло дело, если стрелец был повинен в бесчестии представителей высших сословий. За бесчестье духовных чинов от патриарха до епископа назначались батоги и тюрьма, а духовных чинов ниже епископа – штраф в пользу потерпевших⁶. Кнут и тюрьма полагались и за бесчестье бояр, окольных и думных людей⁷, а чином ниже – штраф в пользу обесчещенных⁸.

В правовом положении следующих разрядов служилых людей «по прибору» – пушкарей, воротников и затинщиков – были общие черты с положением стрельцов и казаков, например освобождение от пошлин по взаимным жалобам и челобитным («для их службы и бедности»), но были и существенные отличия. Те из них, кто покинул посадское тягло, возвращались в посад без каких-либо ограничений⁹. Пушкарки, затинщики, воротники и кузнецы, имея лавки и торговые промыслы на посаде, платили, как стрельцы и казаки, таможенные пошлины, но, кроме того,

---

¹ Соборное уложение. Глава XIX. Статья 26; 27.

² Там же. Глава XI. Статья 2.

³ Там же. Глава XXIII. Статья 1.

⁴ Там же. Глава XXIII. Статья 2.

⁵ Там же. Глава XXIII. Статья 3.

⁶ Там же. Глава X. Статья 31–82.

⁷ Там же. Глава X. Статья 92.

⁸ Там же. Глава X. Статья 93, 94.

⁹ Там же. Глава XIX. Статья 28.

несли тягло и службы наряду с посадскими людьми¹. Как и казаки, при невозможности вернуть долги они отдавались с правежа головою до искупа².

Заметное внимание уделено в Уложении воинской дисциплине. В широком смысле сюда входит весь круг вопросов, охватывающих как отношения ратных людей с населением, так и воинские преступления. В более узком смысле к дисциплине можно отнести вопросы распорядка. Запрещалось боярам и воеводам отпускать со службы ратных людей без указа государя³. Отпуск со службы без указа, да еще осложненный посулами и поминками, влек «жестокое наказание, что государь укажет»⁴. Без указа и без ведома воевод не имели права отпускать служилых людей сотенные головы⁵. В противном случае им грозили батоги и тюрьма⁶. Бояре и воеводы могли предоставить ратным людям временные отлучки домой только по их челобитным о «домовом разорении», о побегах холопов и крестьян или по другим «самым нужным делам», но не иначе, как подтвердив правильность челобитных путем опроса дворян и детей боярских того же полка⁷. Такие мотивы исключения из общего правила о запрете отлучек имели определенный классовый смысл. Но и эти причины отлучек теряли силу в период угрозы прихода врага и назревания военной опасности, когда отъезды из полков полностью исключались⁸.

Формирование политического и правового понятия преданности монарху и государству выдвинуло на первый план в качестве преступления воинскую измену. Во второй главе «О государственной чести и как его государственное здоровье оберегать» предусмотрены особо тяжкие виды измены военного времени, связанные с посягательством на государственную целостность и самостоятельность: – сдача города недругу, измена, привод в город зарубежных людей «для измены»⁹ и сожжение города «умышлением и изменою»¹⁰. 4-я статья выделяет поджог города с целью сдачи врагу в особый состав государственных преступлений, отличных от простого поджога двора, который влек

---

¹ Соборное уложение. Глава XIX. Статья 12.

² Там же. Глава X. Статья 266.

³ Там же. Глава VII. Статья 10.

⁴ Там же. Глава VII. Статья 11.

⁵ Там же. Глава VII. Статья 15.

⁶ Там же. Глава VII. Статья 16.

⁷ Там же. Глава VII. Статья 13.

⁸ Там же. Глава VII. Статья 14.

⁹ Там же. Глава II. Статья 3.

¹⁰ Там же. Глава II. Статья 4.

денежное взыскание¹. За эти преступления определялась смертная казнь (для поджигальщиков – сожжение) и конфискация поместий, вотчин и всего имущества². Смертная казнь через повешение перед неприятельскими полками с конфискацией всего имущества угрожала за переход в неприятельские полки с целью разглашения военной тайны³.

Другой вид преступления – бунт: приход «скопом и заговором в полках на воевод» влек смертную казнь «без всякие пощады»⁴. В скопе и заговоре нельзя не рассмотреть проявления классовой борьбы, которая распространялась и в армии.

Третий вид преступлений – побег или самовольный отъезд со службы. Здесь Уложение выделяло ряд вариантов относительно социальной принадлежности ратных людей и обстоятельств побега. Наиболее тяжким был побег с поля боя. В таком случае виновному определялось битье «кнутом нещадно» и убавка наполовину поместного и денежного окладов⁵. Заклад поместий и продажа вотчин дворянами и детьми боярскими, находящимися на государевой службе, и побег с нее влек наказание кнутом «без пощады» и отсылку беглецов «в полки с приставы». Кредиторы при этом теряли право на возврат своих денег⁶.

В Уложении указывается: «Побег ратных людей «всяких чинов» с полковой службы до срока отпуска карался дифференцированно: за первый побег – битье кнутом, за второй – кнут и убавка поместного и денежного оклада. За побег в третий раз – битье кнутом и полная конфискация поместий»⁷.

Регулирует Уложение и материальные искивые заявления внутри войска. «За кражу лошади определялось отсечение руки»⁸, «за кражу ружья – битье кнутом». «Всякая кража влекла возмещение убытка потерпевшему»⁹. «Найденные чужая рухлядь или заблудившиеся лошади должны быть явлены в полках». «За утайку виновный обязан возместить ущерб владельцу»¹⁰. Отдельно рассмотрен казус, связанный с покупкой лошади одним ратным человеком у другого в период службы в полку. Если третье лицо предъявляло свои права на лошадь, а продавший ее отрицал

---

¹ Соборное уложение. Глава X. Статья 223, 224.

² Там же. Глава II. Статья 5.

³ Там же. Глава VII. Статья 20.

⁴ Там же. Глава II. Статья 20, 21.

⁵ Там же. Глава VII. Статья 19.

⁶ Там же. Глава XVI. Статья 69.

⁷ Там же. Глава VII. Статья 8.

⁸ Там же. Глава VII. Статья 29.

⁹ Там же. Глава VII. Статья 28.

¹⁰ Там же. Глава VII. Статья 27.

факт продажи, то дело подлежало разбору в судебном порядке. Во внесудебном порядке вопрос не решался, поскольку на службе воинские люди покупают лошадей без записки¹. К преступлениям относились оскорбления и обиды, нанесенные нижестоящими разрядами служилых людей вышестоящим и духовным лицам².

Подводя итоги, отметим, что Уложение 1649 г. впервые кодифицировало и расширило морально-правовые основания землевладельческой организации армии. Помимо этого, Уложение отразило наступающую потерю монополии ополчения дворян в военной силе и проложило дорогу для создания военных сил возрастающей абсолютной власти. Был смотивирован переход детей боярских и дворянского ополчения в подразделения войск нового строя. Сказанное не исключало роли и значения владельцев поместий – дворян в войске, прежде всего как командующей эффективной силы. Важным условием данных изменений стало укрепление законным путем дисциплины состава ратной силы. Ко второй половине XVII столетия начала создаваться регулярная армия с ее распространенными на всех военно-правовыми нормами и законами. Воинские и военные преступления закона являлись отдельным вопросом, рассмотренным в Уложении. Бунты и недовольства в армии против государя, полковников и других начальных лиц считались особо опасными противогосударственными преступлениями.

2.5. Мелкие служилые люди юго-востока России

Рассмотрим характер и способы появления мелких служилых людей в юго-восточной окраине России на примере заселения крепостей Закамской черты. Как было отмечено выше, к середине XVII века русское правительство имело значительный опыт по сооружению и заселению укрепленных линий. Уже в ходе строительства Белгородской черты определились основные методы заселения новопостроенных крепостей: насильственный перевод служилых людей из других мест и прибор. Эти методы, особенно первый, были широко использованы на Закамской черте.

Основную массу переведенных из этих крепостей служилых людей составляли стрельцы. На черту всего было переведено 269 стрельцов. На новом месте они продолжали нести, главным образом, стрелецкую службу. Кроме стрельцов, на черте было поселено 100 конных казаков из Лаишева, 29 «конных полоняников» и 9 ссыльных людей.

---

¹ Соборное уложение. Глава XXI. Статья 53.

² Там же. Глава X. Статья 21–99.

Первый этап заселения Закамской черты начался одновременно с ее сооружением. Большинство документов о переселении сюда служилых людей относится к 1652–1653 гг. Русского служилого населения на территории Закамской черты, кроме, как в Мензелинской крепости, не было. Поэтому заселение ее крепостей должно было вызвать значительное перемещение населения в Казанском уезде. В частности, основными источниками заселения укрепленной линии были крепости, находившиеся на правобережье р. Волги и в Прикамье (Лаишев, Тетюши, Ахтачинск, Шешминск, который после сооружения Новошешминской крепости на Закамской черте стал называться Старошешминском, а также Чалнинский городок), в которых в связи со строительством Закамской черты исчезает необходимость в многочисленном гарнизоне.

Правительство далеко не одинаково относилось к переселяемым на черту служилым людям. Особую позицию оно заняло по отношению к лаишевским конным казакам, которых предстояло перевести в Белый Яр. Для переселения на черту выбирались казаки «конные, добрые и семьянистые», такие, у которых были сыновья и племянники. Сразу же после сооружения крепости Белый Яр предполагалось отправить туда братьев и племянников служилых людей для заготовки на новом месте сена и бревен для дворового строения. Поздней осенью, после уборки урожая и посева озимой ржи на прежнем месте жительства, должны были переехать и сами служилые люди¹.

При заселении Закамской черты ощущалась острая нехватка служилых людей. В этих условиях правительство прибегает к переводу в служилое сословие дворцовых пашенных крестьян. В 1652 г. казанскому воеводе был прислан указ, в котором говорилось: «Указал государь и бояра приговорили: Уфинского уезду ... села Чалнов служилых людей стрельцов, и пашенных крестьян и бобылей всех до одного перевести на Закамскую черту и устроить их на Закамской черте в жилых городах и острогах где пригоже»².

На черту были переселены крестьяне не только с. Чалны, где насчитывалось к этому времени 115 крестьянских и бобыльских дворов, но и жители других деревень и починков. На Закамской черте они были переведены в разряд конных казаков. Общая численность крестьян, переселенных на черту, составляла 300 человек мужского пола.

Наряду с дворцовыми крестьянами, на черту были переселены также стрельцы Чалнинского городка. Переселение Чалнинских жителей в отличие от лаишевских казаков, осуществлялось быстро и решительно, в при-

---

¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн.156 Л. 2–2 об.

² РГАДА. Ф.1209. Кн.156. Л. 239 об.

нудительном порядке. «А буде которые служилые люди, стрельцы, и крестьяне, и бобыли на Закамскую черту из села Чалнов, из деревень и с починков ехати не похотят, и тех велено выслать и в неволе. А за ослушанье велено им делать наказание: бить батоги и сажать в тюрьму, чтоб однолично их на Закамскую черту на вечное житье выслать всех нынешним летом заранье», – говорится в одном из документов о заселении Закамской черты¹. Отсюда ясно, что не все соглашались переселяться на черту.

Переселение на необжитые земли тяжело ударило не только по хозяйству дворцовых крестьян. Судя по документам, насильственный перевод их в служилое сословие вызывал их яростное сопротивление. Поэтому переселение крестьян на черту осуществлялось под конвоем, со всеми мерами предосторожности. Об этом свидетельствует следующий отрывок из архивного документа: «А для опасения велено их из села Чалнов до Закамские черты, до указных мест, проводить дворянину ... да казанским служилым людям, чтоб над ними на дороге какое дурно не учинилось...»². Царское правительство как силой, так и предоставлением различных льгот стремилось не допустить бегства их с черты. Чалнинские дворцовые крестьяне были освобождены от всяких платежей и зачислены в разряд наиболее привилегированной прослойки мелких служилых людей – конных казаков.

Появление в Уфимском уезде иноземцев заслуживает отдельного рассмотрения. Второй и третий этапы заселения крепостей Закамской черты были непосредственно связаны с начавшейся в 1654 г. русско-польской войной. Сразу же после взятия Смоленска на черту были направлены «смоленские шляхтичи», впоследствии оказавшиеся здесь наиболее многочисленной группой населения. Документы по истории Закамской черты называют их также «смоленскими иноземцами» и «смоленскими казаками». В Смоленске они несли крепостную службу и делились на 4 отряда по цвету их знамен: отряды Белого, Красного, Желтого и Черного знамен. На Закамской черте их военная организация была сохранена. Так, например, в Тиинске был размещен отряд Белого знамени, а в Новошешминске – отряд Красного знамени³.

Между Россией и Польшей издавна существовал обычай принимать к себе на службу друг от друга князей и дворян. Князь или дворянин, перешедший на службу к своему бывшему противнику, сохранял при этом известные привилегии. В ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. многие шляхтичи перешли на службу России.

---

¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 240–241 об.

² РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 240–240 об.

³ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 80 об.

В июне 1654 г. началось активное наступление русских войск на Смоленск. 10 сентября с польским воеводой в Смоленске Филиппом Казимиром Обуховичем начались переговоры о сдаче города. По условиям капитуляции желающие из бывших защитников крепости могли перейти на службу Русскому государству. Большинство шляхтичей изъявили желание остаться в Смоленске. В Польшу «выехали только воевода Филипп Обухович да полковник Корф с малыми людьми». Смоленские шляхтичи, перешедшие на сторону Русского государства, были направлены на Закамскую черту и в некоторые понизовые города. На черте каждому шляхтичу было выдано на дворовое строение по 6 рублей 26 алтын; деньги и установлен «поденный корм» – по алтыну на человека.

В шестидесятых годах XVII века, после взятия русскими войсками г. Полоцка, на сторону России перешел полк под начальством Гаврилы Гаславского, который также был переведен на территорию Закамской черты. Переселение полоцких шляхтичей можно выделить как третий, последний этап заселения Закамской черты. Положение перешедших на службу к Русскому государству смоленских и полоцких шляхтичей было окончательно определено после Андрусовского перемирия. По договору 1667 года служилые и военные люди, которые изъявили желание остаться в России, не возвращались. С Закамской черты никто не был возвращен.

Таблица 2.

Численность, состав и размещение служилого населения в крепостях Закамской черты (1652–1655 гг.)

Группы населения	Крепости Закамской черты						Итого
	Белый Яр	Брыкл инс	Тиинск	Новаошешминск	Зайнск	Мензе-зе-линск	
1. Конные казаки	100	-	-	-	-	-	100
2. Стрельцы	19	-	50	100	100	-	269
3. Крестьяне, переведенные в разряд конных казаков	-	150	100	50	-	-	300
4. Смоленские шляхтичи	-	-	127	127	81	129	464
5. Полоняники	29	-	-	-	-	-	29
6. Ссылные люди	9	-	-	-	-	-	9
7. Новоприборные служилые люди	-	-	-	-	-	100	100
Итого	157	150	277	277	181	229	1271

Таким образом, на Закамскую черту были переселены различные категории населения: стрельцы, казаки, смоленские и полоцкие шляхтичи и

дворцовые крестьяне. К службе были привлечены полоняники, ссыльные люди и другие слои населения, вошедшие в состав новоприборных служилых людей. К 1655 г. переселились на черту и записались на службу всего 1271 человек.

Каждый новопостроенный городок Закамской черты становился не только военно-сторожевым пунктом, но и местом постоянной оседлости. Служилые люди поселялись с семьями «на вечное житье». На первых порах правительство обеспечивало их хлебным и денежным жалованием. Впоследствии вместо хлебного и денежного жалования они были наделены пашенными землями и санными покосами.

Служилые люди в основном были поселены в слободах. Внутри крепости находились административные и церковные дворы, иногда – дворы пушкарей. Такое устройство жителей было традиционным в России и наиболее соответствовало их хозяйственной деятельности. Средством существования мелких служилых людей на Закамской черте являлось, главным образом, занятие их земледелием и скотоводством.

Правительством были установлены определенные нормы и формы землепользования служилых людей. Среди приборных служилых людей наибольший земельный оклад был у конных казаков, в состав которых вошли также бывшие чалнинские крестьяне и полоняники. На каждого казака приходилось по 20 четвертей пашни «в поле, а в дву по тому ж» и 10 десятин санных покосов. Десятники и пятидесятники, соответственно, имели по 30 и 40 четвертей земли в каждом из трех полей.

Значительно меньше казачьих были земельные наделы стрельцов. Стрельцы обычно несли пешую гарнизонную службу, но на Закамской черте встречались и конные стрельцы. Земельный оклад рядовых стрельцов равнялся 8 четвертям пашенной земли в каждом из трех полей и 4 десятины санных покосов. В некоторых крепостях они продолжали получать хлебное и денежное жалование.

Итак, заселение крепостей Закамской черты в целом принципиально не отличалось от заселения других укрепленных линий XVII века. Оно осуществлялось по инициативе правительства и сопровождалось насильственным переводом людей на черту. Преобладающее большинство населения состояло из мелких служилых людей «по прибору»: конных казаков и стрельцов. Особое место занимали смоленские и полоцкие шляхтичи, перешедшие на службу к Русскому государству в ходе русско-польской войны 1654 – 1667 гг. К службе привлекалось и местное нерусское население, которое выполняло вспомогательные функции. Следует отметить, что заселение крепостей иноземцами было не типичным для других русских укрепленных линий. На Закамской черте это было обусловлено конкретными обстоятельствами, то есть начавшейся одновременно со строительством черты русско-польской войны.

Правительство широко привлекало к службе местное нерусское население. Жители окрестных деревень, хорошо знавшие местность, часто посылались в качестве вожей в станичную службу. Иногда им поручалась и караульная служба. В 1686 г. вожи деревни Старый Табор писали: «Во все лето стоим в Билярском и Тиинском городках на стойке по два человека, по пяти, и по десяти человек... и никакова нас служба не обходит». Но основной обязанностью местного населения оставался ремонт «худых и порченных мест» черты.

Документы не дают сведений о численности и составе местного нерусского населения на территории, по которой проходила Закамская черта, так как эта группа людей нигде не учитывалась. Так, Никита Гладков, который наряду с русскими служилым населением должен был переписать и ясачные деревни близ укрепленной линии, отмечал, что к городам-крепостям Закамской черты «новокрещенских и чевашских, и черемисских волостей уезных людей не приписано»¹.

Первыми поселенцами городов-крепостей юго-восточной окраины России в XVI–XVII вв. были главным образом стрельцы. Стрельцы основали город Уфу, после строительства Бирского городка в 1667 г. гарнизон Бирской крепости был укреплен стрельцами, переведенными из Уфимского гарнизона, стрельцы были также поселены в построенном в 1684 г. Соловарном городке, который находился на территории современного санатория «Красноусольск», где на арендованных у башкир соляных источниках были построены соляные варницы.

В целом в XVI–XVII вв. при заселении крепостей на территории Уфимского уезда государство старалось использовать традиционные, проверенные временем методы, характерные и для других окраинных территорий Российского государства. Однако при этом учитывались особенности географического, демографического и социально-экономического развития отдельных территорий.

---

¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 156. Л. 91.

Заключение

В заключение отметим, что обеспечение безопасности Российского государства, охрана общественного порядка в городах имеет глубокие исторические корни. Основную тяжесть военной и гарнизонной службы в XVI–XVII вв. нес рядовой состав военно-служилого населения пограничных городов-крепостей – служилые люди «по прибору» или мелкие служилые люди. Они входили в структуру вооруженных сил Российского государства, выполняли важные государственные задачи. Их состав был многообразным, наряду со сторожевой, станичной и гарнизонной службой, участием в военных походах, военно-служилое население пограничных российских городов выполняло и полицейские функции.

Однако в настоящее время основное внимание как в научной, так и в практической плоскости уделяется преимущественно только казачеству. Наряду с городскими казаками все тяготы пограничной службы несли и другие категории мелких служилых людей. Они, являясь частью вооруженных сил, кроме военной службы в городах-крепостях своим трудом способствовали хозяйственному освоению новых земель, расширению политических и административно-правовых границ Российского государства.

Особый интерес представляет такая категория служилых людей, как стрельцы. В условиях отсутствия регулярной полиции стрельцы выполняли важную функцию – привлекались к охране общественного порядка. Если в военное время они составляли боевую часть походного войска, то в мирное время использовались для подавления восстаний, выполнения текущих полицейских обязанностей – поимки и привода ослушников, пьяниц и других правонарушителей.

Поднятая в данном учебном пособии проблема нуждается в дальнейшем исследовании. Она имеет важное значение для выяснения истоков возникновения полицейской службы, формирования широкого кругозора и патриотического воспитания лиц, обучающихся в образовательных организациях МВД России.

Список использованных источников

1. Полное собрание законов Российской империи : [Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.]. Т. 1. – Санкт-Петербург : тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1851. Том I. 1649–1675 гг. / под ред. М. М. Сперанского. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1072 с. – Текст : непосредственный.
2. Разрядная книга 1475–1605 гг. [под ред. и с предисл. д-ра ист. наук В. И. Буганова]. – Москва : Ин-т истории СССР, 1977–1982. Т. 1, ч. 1 / [сост. канд. ист. наук Н. Г. Савич]. Москва : Ин-т истории СССР, 1977. – 188 с. Т.1. Ч.2. / [сост. канд. ист. наук Н. Г. Савич]. Москва : Ин-т истории СССР, 1982. – 440 с. – Текст : непосредственный.
3. Российское законодательство X – XX вв.: в 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов / Под общ. ред. О.И. Чистякова; Отв. ред. тома А. Г. Маньков. – Москва : Юрид. лит., 1986. – 512 с. – Текст : непосредственный.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 127. Ногайские дела. 1650–1651 гг.; Ф. 119. Калмыцкие дела. 1645–1654 гг.; Ф. 1209. Писцовые книги Казанского уезда; Ф. 210. Столбцы приказного стола. – Текст : непосредственный.
5. **Бахрушин, С. В.** Научные труды: в 5 т. Т. IV. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. / С. В. Бахрушин. – Москва : Издательство Академии наук СССР, 1959. – 257 с. – Текст : непосредственный.
6. **Бахрушин, С. В.** Сибирские служилые татары XVII в. / С. В. Бахрушин. – Москва : Научные труды, 1955. – 175 с. – Текст : непосредственный.
7. **Буканова, Р. Г.** Города-крепости юго-востока России в XVIII веке : История становления городов на территории Башкирии / Р. Г. Буканова. – Уфа : Китап, 1997. – 253, [1] с.: ил.; ISBN 5-295-01981-0 (В пер.): Б.ц. – Текст : непосредственный.
8. **Буканова, Р. Г.** Города-крепости на территории Башкортостана в XVI–XVII вв. / Р. Г. Буканова ; Уфимский полиграфический комбинат. – Уфа: Китап, 2010. – 261 с.; ISBN 978-5-295-05156-2 – Текст : непосредственный.
9. **Буканова, Р. Г.** Закамская черта XVII века / Р.Г. Буканова; М-во образования Рос. Федерации. Башк. гос. ун-т. - Уфа: Башк. ун-т, 1999. - 148 с.: с карт, табл.; ISBN 5-7477-0392-7. – Текст: непосредственный.
10. **Буканова Р. Г.** Казачество вольное и городское: сословно-правовой статус / Р. Г.Буканова. Текст : непосредственный // Культура, образование, обычаи и традиции казаков Башкортостана : Материалы круглого стола 15 ноября 2019 г. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 15-20.

11. **Буканова, Р. Г.** Калмыцкий фактор в истории башкирского восстания 1662–1664 гг. / Р. Г. Буканова. Текст : непосредственный // Центр и регионы. Этносоциальный аспект истории России нового времени : Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2019. – С. 15–22.

12. **Буканова, Р. Г.** К вопросу о географическом местоположении Закамской черты XVII века. / Р. Г. Буканова. – Текст : непосредственный // Проблемы исторической географии России : Материалы Второй Всесоюзной конференции по исторической географии России. Москва 25–26 ноября 1980 г. [под ред. Я. Е. Водарского]. – Москва : Ин-т истории СССР, 1982. – С. 174–181.

13. **Буканова, Р. Г.** Особенности возникновения городов-крепостей на Южном Урале и Северном Кавказе в XVI – первой половине XIX в. / Р. Г. Буканова, Д. С. Кидерниязов. Текст : непосредственный // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – 2016. – № 4 (33). – С. 46–53.

14. **Витевский, В. Н.** И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758. Вып. 1-5 / В. Н. Витевский. – Казань : типо-лит. В. М. Ключникова, 1889–1897. Вып. 1. – 176 с. – Текст : непосредственный.

15. **Водарский, Я. Е.** Население России за 400 лет - (XVI–XX вв.). – Москва : Просвещение, 1973. – 158 с. – Текст : непосредственный.

16. **Волков, В. А.** Ратные подвиги Древней Руси / В. А. Волков. – М. : Алгоритм, 2011. – 216 с. ; ISBN: 978-5-6994-8722-6 – Текст : непосредственный.

17. **Капаев, И. С.** Меч судьбы: Исторические исследования / И. С. Капаев. – Москва: Голос-Пресс, 2017. – 456 с. ISBN: 978-5-7117-0788-2 – Текст : непосредственный.

18. **Кирпичников, А. Н.** Военное дело на Руси в XIII–XV вв. / А. Н. Кирпичников. – Ленинград : Наука. Ленингр. отд-ние АН СССР, 1976. – 104 с. – Текст : непосредственный.

19. **Глазьев, В. Н.** Стрельцы и их начальники в XVI в. / В. Н. Глазьев. – Текст : электронный // История военного дела: исследования и источники. – 2013. – С. 178–198. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/streltsy-i-ih-nachalniki-v-xvi-v> (дата обращения: 28.03.2013).

20. **Глазьев, В. Н.** Стрельцы новых русских городов «на Поле» конца XVI в. (Москва) / В. Н. Глазьев. – Текст : непосредственный // Чтения памяти В. Б. Кобрин «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма», 26–29 января 1992 г. – Москва : Государственный комитет РСФСР по делам науки и высшей школы, РГГУ, Историко-архивный институт ; под общей редакцией В. А. Муравьева : РГГУ, 1992. – С. 42–43.

21. **Григорьев, А. Н.** Христианизация нерусских народностей как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии. Со второй половины XVI в. до февраля 1918 года / А. Н. Григорьев. – Текст : непо-

средственный // Материалы по истории Татарии : сб. статей. – 1948. – С. 226–284.

22. **Гультияев, В. А.** Формирование и социальный статус служилого населения г. Бирска XVII – XVIII вв. : выпускная квалификационная работа магистра / В. А. Гультияев. – Уфа : БашГУ, 2018. – 89 с. ; Текст : электронный // URL: <http://www.tataroved.ru/publication/almet/7/6> (дата обращения: 29.02.2018)

23. **Дариенко, В. Н.** Город Гурьев. (Хронология исторических событий) / В. Н. Дариенко. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казахск. гос. ун-та им. С. М. Кирова. – Т. 58. Серия историческая. – Вып. 9. – 1962. – С. 247–256.

24. **Демидова, Н. Ф.** Текст «Отводной книги по Уфе» (1591/92–1629 гг.) / Н. Ф. Демидова. –// Из истории феодализма и капитализма в Башкирии : сб. статей. – Уфа, 1971. – 355 с. Текст : непосредственный.

25. **Загоровский, В. П.** История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке / В. П. Загоровский. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1991. – 269 с. – Текст : непосредственный.

26. **Зимин, А. А.** К истории военных реформ 50-х годов XVI в. / А. А. Зимин. – Москва : Наука, 1956. – С. 48–101. – Текст : непосредственный.

27. История Удмуртии : конец XV – начало XX века / М. В. Гришкина и др. [под. ред. К. И. Куликова]. – Ижевск : Удмурт. ин-т истории, языка и литературы, 2004. – 549 с. ; ISBN 5-7691-1461-4 – Текст : непосредственный.

28. Возникновение г. Воронежа и его роль в обороне южных рубежей Русского государства / В. И. Кошелев – Текст : непосредственный // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 26. – 1958. – С. 199–250.

29. Роль процесса градообразования в развитии национальной системы расселения Российской Федерации / А. Г. Мазаев. – Текст : непосредственный // Академический вестник Урал НИИ проект РААСН. – 2017. – № 4. – С. 19.

30. **Маньков, А. Г.** Уложение 1649 года – кодекс феодального права России / А. Г. Маньков. – 2. изд., испр. – М. : Гос. публич. ист. б-ка России, 2003. – 369 с. ISBN 5-85209-117-0 (в обл.) – Текст : непосредственный.

31. **Мизис, Ю. А.** Тамбовская черта и заселение Тамбовского уезда в XVII веке : автореферат дис. .... канд. ист. наук / Ю. А. Мизис; Воронежский государственный университет. – Воронеж, 1983. – 24 с.

32. **Никитин, Н.** Основные моменты колонизации Башкирии / Н. Никитин. – Текст : непосредственный // Хозяйство Башкирии. – 1928. – № 6–7. – С. 73–85.

33. **Новиков, В. А.** Сборник материалов для истории Уфимского дворянства, составленный В. А. Новиковым в 1879 году, продолженный и до-

полненный до 1902 года включительно депутатом Уфимского дворянства Н. А. Гуревичем. – Уфа : печ. Н. К. Блохина, 1903. – 309 с.

34. **Пашина, Е. В.** Военно-административное и социально-экономическое развитие города-крепости Тетюши в последней трети XVI–первой четверти XVIII вв : Специальность 07.00.02 «Отечественная история»: автореферат дис. ... на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Е. В. Пашина. Приволжский федеральный ун-т. – Казань, 2018. – 27 с.

35. Участие стрельцов во взятии Полоцка Иваном IV Грозным в 1563 г./ А. С. Кадира. – Текст : непосредственный // Вестник Воронежского университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2012. – № 1. – С. 105–109.

36. **Пенской В. В.** Военный потенциал Российского государства в конце XV–XVI вв. количественное измерение / В. В. Пенской. – Текст : непосредственный // Отечественная история. – 2008. – № 1. – С. 4.

37. **Писарев, А. Е.** Вооружение и военная одежда московских стрельцов в XVII в. / А. Е. Писарев. – Текст : электронный // Исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова : [сайт]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/Lomonos98/pisarev.htm> (дата обращения 30.04.2018 г.)

38. Россия при царевне Софье и Петре I : Записки русских людей. – Москва : Современник, 1990. – 444 с. ; ISBN 5-270-00708-8– Текст : непосредственный

39. Соборное уложение 1649. Глава XVII. // Российское законодательство X – XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов XVI – начала XVII века. Москва : Юрид. лит, 1985. – 512 с. – Текст : непосредственный.

40. **Чернов, А. В.** Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. (С образования централизованного государства до реформ при Петре I) / А. В. Чернов. – Москва, 1954. – 256 с. – Текст : непосредственный.

Учебное издание

Буканова Роза Гафаровна
Каримов Рим Римович

**ПРАВОВОЙ СТАТУС ВОЕННО-СЛУЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ
ГОРОДОВ-КРЕПОСТЕЙ ЮГО-ВОСТОКА РОССИИ В XVI–XVII ВВ.**

Учебное пособие

Редактор Л.Т. Курбанова

Подписано в печать 20.05.2020

Гарнитура Times

Уч.-изд. л. 4,8

Тираж 45 экз.

Заказ № 52

Формат 60x84 1/16

Усл. печ. л. 5,0

---

*Редакционно-издательский отдел
Уфимский юридический институт МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*

*Отпечатано в группе полиграфической и оперативной печати
Уфимского юридического института МВД России
450103, г. Уфа, ул. Муксинова, 2*